

Г.Д. Гловели

д.э.н., Институт экономики РАН (Москва)

ЛЕНИНИЗМ, «ТЕРМИНЫ ТОВ. А. БОГДАНОВА» И ФИЛОСОФ ИЛЬЕНКОВ КАК АПОЛОГЕТ СТАЛИНСКОЙ ЭКОНОМИКИ «РАЗРУШЕНИЯ РАВНОВЕСИЯ» (ЧАСТЬ II. Начало – в ВТЭ 2–2020)¹

Аннотация. Вторая часть статьи прослеживает формирование системно-структурного подхода в русском «неортодоксальном» марксизме («структурализме»), связанном с всеобщей организационной наукой (тектологией) А.А. Богданова и экономическими работами В.А. Базарова. Раскрыты также элементы структуралистской методологии в работах видных русских немарксистских экономистов 1920-х гг. – Н.П. Огановского, Н.Д. Кондратьева, С.А. Первушина, способствовавших появлению категории «структурные сдвиги». Показано, что репрессии против экономистов-структуралистов были связаны с их попытками обоснования возможно более плавных структурных сдвигов в экономике СССР, тогда как возобладавшее «телеологическое» директивное планирование осуществляло структурные сдвиги посредством резкой ломки пропорций народного хозяйства и неэквивалентного обмена. Идеологическим прикрытием волюнтаристского планирования стала погромная критика «теории равновесия», в которой активно участвовал журнал «Под знаменем марксизма», руководимый адептами догматического «воинствующего материализма». Раскрыты многочисленные подлоги в «критике теории равновесия» и в изложении взглядов Э. Маха и А.А. Богданова философом Э.В. Ильенковым, его историко-экономическая некомпетентность.

Ключевые слова: структурализм, тектология – всеобщая организационная наука А. Богданова, позитивизм, статика и динамика, структурные сдвиги, НЭП, дебаты об индустриализации, первая пятилетка, воинствующий материализм, экономика «разрушения равновесия», ильенковицина.

JEL: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10304

От марксизма к «структурализму»

Говорят, что истина лежит между двумя противоположными мнениями.

Неверно! Между ними лежит проблема.

И.-В. Гёте

Лукаво-покладистый Луначарский, некогда противопоставлявший философию А. Богданова «уклону с высот марксизма в низменность плеханизма», так резюмировал жизненную трагедию своего друга. Еще в молодых годах, восприняв марксизм как «научное откровение», продолжавшее и превосходившее научные революции Коперника и Дарвина, Богданов поставил перед собой задачу «распространить марксистское мирозерцание» на

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

все области науки. Он вложил «гигантское усилие конструктивной мысли», вдохновленное «непобедимой любовью к максимально стройным схемам и способностью находить и утверждать их»; но не добился «не только всеобщего, но и сколько-нибудь широкого признания» [Луначарский, 1928. С. 3].

«Ленинский нарком» умолчал об отсечении «богдановщины» от советского марксистского официоза, окончательно произошедшем в 1923 г., после ареста Богданова ГПУ. Это был итог лавины травли, инспирированной Лениным, спрямлявшим историю своей партии², которая после «военно-коммунистического» перерождения, отмеченного в 1917 г. Богдановым, теперь окончательно стала на путь «аппаратного» перерождения [Биггарт, 1993. С. 146–148]. Примечательно, что в том же 1923 г. начинается история «западного марксизма», противопоставившего себя «восточному» советскому «марксизму-ленинизму». В течение XX в. «западный марксизм», или неомарксизм, расходился по двум главным направлениям: «диалектическому» и «структуралистскому» («сциентистскому») [Дмитриев, Гловели, 2013]. Но для обоих было характерно незнание «неортодоксального» направления в русском марксизме, воплощенного прежде всего в трудах Богданова, особенно в трех томах «Тектологии (всеобщей организационной науки)».

1-й том вышел в год окончательного разрыва ленинской «Правды» с Богдановым и выхода в антибогдановском «Просвещении» хрестоматийной ленинской статьи «Три источника и три составные части марксизма» (1913). 2-й том – между двумя революциями 1917 г. Переработанные тома вместе с третьим – в 1922 г., в начале НЭПа, когда обескураживающие итоги кровопролития, голода и разрухи «военного коммунизма» вынудили Ленина пересмотреть догму о том, что «раз остается обмен, о социализме смешно и говорить» [Ленин, 1967–1975. Т. 17. С. 127]. Пересмотреть на практике удержания власти, но не в теории, где Ленин призвал лишь к «систематическому материалистическому изучению диалектики Гегеля» [Ленин, 1967–1975. Т. 45. С. 30] и предсмертной статьей «О значении воинствующего материализма» санкционировал борьбу с «кошмаром философского идеализма» [Деборин, 1922. С. 12], которую ГПУ облегчило высылкой строптивой профессуры на «философских пароходах», а ревнители «плехановской ортодоксии», получившие в распоряжение новый журнал «Под знаменем марксизма», повели прежде всего против «махиста» Богданова.

Травля шла под мемом «диалектика или тектология», хотя в 3-м томе «Тектологии» Богданов, по-прежнему уверенный – «чего не сделаю я, то сделают другие» – изложил начала «организационной диалектики» [Богданов, 2019. С. 287, 544–567]. Но прежде всего три тома «Тектологии» содержали *общую теорию структурной устойчивости и динамики форм, структурного прогресса и регресса*. Таким образом, последующее расхождение в западном неомарксизме воспроизвело расхождение в русском марксизме начала XX в.: «ортодоксальный» гегельянский плехано-ленинизированный «диамат» – «сциентистский» структуралистский марксизм Богданова.

В последнем прижизненном докладе и в последней доработке тектологии Богданов так определил свой отправной пункт: «...у Маркса господствует в политической экономии совершенно определенная структурная точка зрения» [Богданов, 1927. С. 285]; структурные отношения «могут быть обобщены до такой же степени формальной чистоты схем, как в математике отношения величин; и на такой основе организационные задачи могут решаться способами, аналогичными математическим... Отношения количественные я рассматриваю как особый тип структурных» [Богданов, 2019. С. 613].

² Ленин стал утверждать, что «большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» [Ленин, 1967–1975. Т. 41. С. 6]. Между тем в 1909 г. он писал иное: «Большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 года» [Ленин, 1967–1975. Т. 19. С. 364]. Т.е. – на III съезде РСДРП, организованном Богдановым, привлечшим, вопреки бойкоту меньшевиков, на съезд партийцев из российской глубинки [Луначарский, 1968. С. 35].

Злобные «ортодоксы», заиклинные на французском материализме XVIII в., полукантовской «вещи в себе» и гегелевской диалектике, не пожелали оставаться «добрыми марксистами» наряду с Богдановым (как предлагал тот). Агрессивный мем «воинствующий материализм» появился как заглавие («Materialismus militant») плехановских фельетонных выходов, а мем «ортодоксальный марксизм» нес отпечаток баталий с журнальным народничеством и европейским (Бернштейн и пр.), а затем русским ревизионизмом. Но «критические марксисты», бывшие союзники первых русских социал-демократов против народничества, и русские бернштейнианцы-«экономисты» о своем ревизионизме и повороте «от марксизма к идеализму» заявляли открыто и громогласно [Прокопович, 1901; Булгаков, 1903]. Богданов никогда не признавал себя ни ревизионистом, ни идеалистом, но был объявлен таковым Плехановым и его клеветами.

Очевидцам [Иков, 1995. С. 100; Лепешинский, 1928. С. 11] была ясна узкопартийная подоплека этих тенденциозных обвинений – «подмога» Богданова почти изолированному меньшевиками Ленину. Хотя жесткой установки последнего на внесение интеллигенцией «извне» научного социализма в рабочее движение Богданов не разделял [Богданов, 1910. С. 193], он считал уставный «централизм» Ленина более подходящим для партийной работы именно в России (а не в эмиграции). Но, в противоположность Ленину, чье разочарование в авторитарном и неискреннем Плеханове-политике [Ленин, 1967–1975. Т. 4. С. 337] не умало почтения к Плеханову – философу с ореолом «первоучителя» русского марксизма, для Богданова Плеханова-авторитета не существовало. Хотя известная книга Плеханова («Бельтова») «К вопросу о значении монистического взгляда на историю» (1895) и оказала влияние на формирование убеждений молодого автора «Краткого курса экономической науки».

Но эти убеждения, во-первых, шли от тяги к историзму, проявившейся еще в гимназических записках о значении изобретений и научных открытий для человечества [Соболев, 2002. С. 72]. Во-вторых, они не имели присущей «плехановской ортодоксии» и ленинизму односторонней полемическо-публицистической заточки для партийной борьбы. Начиная с первых шагов как организатора и идеолога-просветителя, несмотря на классовый подход, для Богданова полемика всегда оставалась на втором плане³, и в ней он не проявил ни напора, ни желчности, ни находчивости. Из-за чего, «будучи прав по существу... проигрывал турниры» [Иков, 1995. С. 102].

«Широкие запросы наших рабочих» не только касательно уяснения их социально-экономического положения и интересов, но и в «смысле общего мировоззрения» [Богданов, 1989а. С. 361] соответствовали «страсти к монизму» молодого ученого, расширению «монизма» от историко-экономического до «всеобщего» [Гловели, 2003]. И направляли действительно гигантское усилие конструктивной (а не полемической!) мысли к «целостной, всеобъемлющей, связанной философской и историко-социологической интерпретации так наз. революционного, научного социализма», которая выделяла Богданова среди не только российских, но и всех европейских социал-демократов⁴ [Иков, 1995. С. 102].

«Тезисы о Фейербахе» и концепции трудовой стоимости и товарного фетишизма в «Капитале» Маркса – отправные пункты для этой интерпретации. Но в ней не нашлось привычного места «основному вопросу философии»⁵. Поскольку распространяя «исто-

³ Характерно в этом отношении, что памфлет «Вера и наука. Ответ на книгу Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм» был не самостоятельной книгой, а приложением к трактату Богданова «Падение великого фетишизма».

⁴ «Когда соприкасаешься с застывшими представлениями догмы – здесь в Германии, где философское мышление сейчас абсолютно отсутствует... отдаешь себе отчет, что благодаря Вам мы, русские марксисты, в области философии сделали шаг дальше, ушли вперед», - писала, прочтя книгу «Наука об общественном сознании», в начале 1914 г. Богданову из Берлина А. Коллонтай (архив автора).

⁵ За что Богданову, кстати, изрядно попеняли не только материалисты-«ортодоксы», но и пресловутые «философы серебряного века» [Бердяев, 1902. С. 840].

рический монизм» на разные науки, Богданов нашел в материале этих наук – от сравнительной филологии и религиоведения до физики – указания на историческую относительность самих категорий «духа» и «материи» и их противопоставления. И согласился со знаменитым языковедом и мифологом Максом Мюллером⁶, что «основной вопрос философии – вопрос о происхождении понятий» [Мюллер, 1891. С. 364].

А истоки антитезы «духа» и «материи» Богданов обнаружил в историческом отделе *умственного и руководящего труда от физического и исполнительского* [Богданов, 1906. С. 139–142]. А затем пришел к выводу, что с эпохальными открытиями в естествознании материализм не только должен неизбежно менять форму, как подчеркивал Энгельс при публикации Марксовых «Тезисов о Фейербахе». Но может и вовсе сойти с повестки дня при разработке нового «реалистического мировоззрения» – последовательной эволюционной трудовой теории общества.

К «историческому монизму» Богданов шел от русского «материализма естествоиспытателей» (Чернышевский, Писарев, Тимирязев, Сеченов, Бабухин, Столетов) [Богданов, 1923. С. 259]. Для этой философии материя представляла собой «окончательное решение вопроса о сущности вещей и абсолютное понятие, которое само по себе не подлжит развитию» [Богданов, 1923. С. 255], и была тождественна устойчивому веществу, состоящему из мельчайших неразрушимых частиц-атомов. Но оба понятия, вынесенные в заглавие знаменитой книги Л. Бюхнера «Сила и материя», были к началу XX в. подвергнуты критике как «метафизические пережитки» крупнейшими естествоиспытателями – Гельмгольцем, Кирхгофом, Оствальдом, Махом [Лункевич, 1960. С. 424; Богданов, 2019. С. 595]. «Научно-техническая революция» (определение Богданова) опровергла «неделимость» и непроницаемость атомов, обнаружив внутри них «невозможно быстрый поток движений» [Богданов, 1923. С. 306]. Категория пространства как пустого вместилища частиц материи попала под историко-научную критику «абсолютных понятий» классической механики физиком-позитивистом Э. Махом; химик В. Оствальд предложил отказаться от понятия материи в новой «энергетической» натурфилософии.

Сам Богданов, интегрируя в «исторический монизм» вслед за «естествознанием мысли» М. Мюллера и «лингвистической археологией» Л. Нуаре и Л. Гейгера уже не материализм, но *позитивизм* естествоиспытателей, от понятия «материи» отнюдь не отказывался. Однако философский материализм, отождествлявший материю с неопределяемым первоначалом всего сущего, счел преходящим. А выпячивание «плехановской ортодоксией» категории «вещи в себе» – напраслиной, противоречащей не только духу, но и *букве* социально-исторической теории Маркса как «философии активности» [Богданов, 1923. С. 259–260]. Богданов свое несогласие с диалектической азбукой марксовой политэкономии и социологии выражал открыто и был возмущен «беспримерным фактом» фальсификации Плехановым перевода второго из «Тезисов о Фейербахе», чтобы согласовать полукантовское отстаивание «вещи в себе» с буквой Маркса [Богданов, 1910. С. 210–211].

Ленина плехановская фальсификация не смутила. Как не смутило несоответствие его собственного определения философии марксизма как «вылитой из одного куска стали» и «законченного» материализма [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 346; Т. 23. С. 44] с вышеупомянутым (и акцентированным Богдановым) выводом Энгельса об изменении материализма с каждым эпохальным открытием в естественноисторической области [Энгельс, 1961а. С. 286]. Наоборот, «кризис» физики начала XX в. Ленин объяснил «родами» диалектического материализма [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 346].

⁶ Оригинальное английское заглавие книги Мюллера («The Science of Thought») можно перевести и как «Естествознание мысли».

Возмутило же Ленина нежелание Богданова держаться «диалектического материализма»⁷ и дополнение «исторического материализма» биологической и энергетической терминологией [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 5–6, 347]. Все это, в худших традициях плехановской «абсолютной нетерпимости, неспособности и нежелания вникать в чужие аргументы» [Ленин, 1967–1975, Т. 4. С. 337], Ленин обозвал «махизмом», «реакционной философией» на потребу буржуазных профессоров – «ученых приказчиков теологов» [Ленин, 1967–1975, Т. 18. С. 364].

Здесь у нас нет возможности останавливаться на разборе тенденциозности ленинских оценок Геккеля (вот уж кто был «буржуазным авторитетом»!) и Маха, на отличиях философии Маха от эмпириомонизма Богданова и философии Богданова от позиций других русских «махистов». Отметим лишь следующее.

Нельзя согласиться с тем, что Ленин *не* виноват в том, что политический взгляд на философию, который он так ярко выразил в своей книге, стал господствующим в философии советского периода, сделался чуть ли не естественным [Никифоров, 2010. С. 83]. Даже если оправдать ругань и тенденциозность накалом партийной полемики. Но та полемика 1909–1910 гг. была *обоюдосторонней*. Роковую роль сыграло переиздание 1920 г., не предполагавшее уже никакой критики и полемики, а только грубое навязывание властно-вождистским ресурсом «необходимых указаний» через хамскую статью клеветы Кривобокова (Невского) «Диалектический материализм и философия мертвой реакции» [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С.12]. И вся ленинско-зиновьевская кампания против Пролеткульта была издевкой над выводом Богданова в ответе Гастеву: «идея пролетарской культуры не исключает ни критики, ни полемики, но и их она делает формой товарищеского сотрудничества» [Богданов, 1919. С. 52].

Известный психолог и педагог П. Блонский в основательном обзоре «Современная философия» называл Маха «центром современной научной философии» [Блонский, 1918. С. 68], а книги Ленина даже не упоминал – ни в главе «Позитивизм Маха», ни в главе (!) «Диалектический материализм». Но в 1921 г. ставший советским служащим Блонский в статье «Марксизм, как метод решения педагогических проблем» ни с того, ни с сего бросил камень в «махистские «философии» техники Энгельмейера и Богданова» [Блонский, 1961, С. 306]. Пример не самый одиозный, но показательный. Концепция «эврилогии» выдающегося инженера-философа П.К. Энгельмейера [Энгельмейер, 2010. С. 8–9], развивавшая учение Маха об эвристических конструкциях в научном творчестве [Богданов, 1923. С. 193], была в советское время предана полному забвению. А тектологию Богданова стали упоминать исключительно в негативном контексте.

«Законченный диалектический» материализм Ленин, как известно, резюмировал сентенцией «материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана нам в ощущениях» [Ленин, 1967–1975, т. 18. С. 130], при этом не допуская постановки вопроса об уточненном обозначении этой реальности и обвиняя «физических идеалистов» в «отбрасывании объективной реальности вне сознания». [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 272–273]. Хотя гораздо ранее вполне материалистическое естествознание в лице Г. Гельмгольца отождествило формы движения материи с формами энергии [Лункевич, 1960. С. 424]).

Не поняв конвенционализма А. Пуанкаре, Ленин обрушился на слова Богданова «объективный характер физического мира заключается в том, что он существует не для меня лично, а для всех» с разгневанным комментарием: «...неверно! он существует *независимо* от всех» [Ленин, 1967–1975. Т. 18. С. 104]. Но «независимо от всех» не существуют ни небесные

⁷ В комплиментарной рецензии на «Краткий курс экономической науки» А. Богданова Ленин ставил в первоочередную заслугу автору, что тот «последовательно держится исторического материализма» [Ленин, 1967–1975. Т. 4. С. 35]. Но Богданов не собирався держаться догмы, что «исторический материализм» – распространение Марксом и Энгельсом «диалектического материализма» на познание человеческого общества [Ленин, 1967–1975. Т. 23. С. 44].

созвездия, ни земные меридианы и параллели, ни часовые пояса, ни химические элементы с их номерами, подгруппами, валентностями, ни таксоны живых существ и пр. – все они были установлены человеческим «социально согласованным опытом», как говорил Богданов.

Поэтому, вовсе не отрицая «борьбы реальных сил» вне сознания [Богданов, 1923. С. 241] и различия физических *типов материи* [Богданов, 1990. С. 107], Богданов отказался от отождествления философской категории «объективной реальности» с «материей» или «силой».

Причем, в противоположность Оствальду и Маху, Богданов ни разу не усомнился в атомарном строении материи. Более того, Богданов первым в России и уж, конечно, в марксизме ясно понял грандиозные перспективы и «общеземлянские» опасности *внутри-атомной энергии* в поле труда «раздробленного человечества» [Богданов, 1918. С. 7–8]. Этот пример свидетельствует не только о богдановской прозорливости на грани гениальности, но и о том, что для него действительно не существовало авторитетов.

Иное дело – «ортодоксальный марксизм», от имени которого Плеханов фальсифицировал «Тезисы о Фейербахе» и уверял, что диалектикой Гегеля указан «именно тот путь, следуя которому наука нашего времени, – например (! – Г. Гл.), естествознание, – сделала самые блестящие свои теоретические приобретения» [Плеханов, 1956. С. 381]. Обратной стороной этого желания всегда быть в согласии со своим авторитетом стала непримиримость ко всем тем, кого затруднительно к этому авторитету «примерить». Богданов, критикуя философский материализм и диалектику, вовсе не отрицал громадного исторического значения Гольбаха и Гегеля [Богданов, 1923. С. 259]. (Хотя, например, почитаемый Богдановым «олимпиец» Гете, «реалист до мозга костей»⁸, отзывался пренебрежительно о «серой, мертвой, безвкусной» философии барона Гольбаха [Лункевич, 1960. С. 364]). Ленин, голословно обвинивший Богданова в подмене «социалистических авторитетов авторитетами буржуазными», не навечно, но почти на век закрыл (для марксистской мысли!) возможность взвешенной оценки маховского (и не только маховского) позитивизма.

Но, хотя для посмертной судьбы Богданова жупел «махиста» оказался поистине зловещим, прижизненное «закрытие» Богданова как партийного философа отчасти способствовало его теоретическому прорыву в общенаучном системном подходе. М. Горький вспоминал, что на назойливое требование Ленина объяснить «в двух-трех фразах, что дает рабочему классу ваша «подстановка» и почему махизм – революционнее марксизма», Богданов пробовал растолковать, но говорил «неясно и многословно» [Горький, 1952. С. 21]. Сосредоточение на научной деятельности добавило концептуальной ясности, позволило не прибегать к «подстановке», зато раскрыть значение такой фундаментальной характеристики объективной реальности, как *структурность*.

Категории структурной устойчивости в ее отношениях со средой; *структурных изменений*, на известном уровне внутренних и внешних противоречий, переходящих в системные кризисы, были увязаны Богдановым со всеми основными организационными категориями: закона наименьших; подвижного равновесия; системной дифференциации и интеграции; организационной пластичности; прогрессивного – положительного и отрицательного – подбора (отбора); эрессии и депрессии. Были обоснованы классификация структур на «слитные» и «четочные» и «общее решение вопроса о том, какая структура благоприятнее для сохранения и развития комплексов»: *слитная – под отрицательным подбором; четочная – под положительным* [Богданов, 2019. С. 266]. При положительном подборе параллельно с возрастанием неоднородности внутренних связей комплекса идет *уменьшение* этой устойчивости, а при отрицательном – с возрастанием их однородно-

⁸ «Борьба за реалистическое мировоззрение» – дал Богданов-редактор подзаголовок составленной погибшим революционером В. Лихтенштадтом книге, во весь рост рисующей «фигуру Гете, как великого натуралиста и передового мыслителя» [Богданов, 1990. С. 452].

сти – ее *увеличение*. В первом случае имеющиеся структурные противоречия сохраняются и к ним присоединяются еще новые, со вступлением новых элементов; во втором случае идущее разрушение отрывает от комплекса прежде всего *наименее* прочно связанные с ним элементы, разрывает наиболее противоречивые связи. Это справедливо по отношению ко всякому комплексу в среде и с определенно изменчивыми, и с неопределенно изменчивыми воздействиями [Богданов, 2019. С. 232–234].

Положительный подбор увеличивает количественную устойчивость форм, накапливая в них активности; при этом он повышает сложность и неоднородность их строения, а тем самым понижает их структурную устойчивость. Отрицательный подбор уменьшает количественную устойчивость, последовательно отнимая активности, упрощает строение, изменяя его в сторону однородности и в результате увеличивает структурную устойчивость. Обе характеристики действительны в тех пределах, пока сохраняется основное строение системы, но накопление противоречий системного расхождения сверх меры вызывает кризисы, влекущие либо структурное преобразование, либо распад системы [Богданов, 2019. С. 200, 227, 236 и др.].

Особыми и исключительно важными случаями системной дифференциации, свойственными в разной мере всем ступеням организации, являются *эгрессия* («выхождение» из ряда, центропериферическая структура) и *дегрессия* («схождение вниз») – расхождение на группировку «организационно низших», рутинных, но прочных комплексов и группировку «организационно высших», пластичных, более гибких, но менее прочных комплексов. Подвижность элементов допускает и относительно легкое разрушение связей между ними, увеличивая «нежность» и уязвимость организации. Поэтому дегрессия «есть организационная форма огромного положительного значения: только она делает возможным высшее развитие пластичных форм, фиксируя, закрепляя их активности, охраняя нежные комбинации от грубой их среды» [Богданов, 2019. С. 411].

«Великий предшественник организационной науки, Карл Маркс» ([Богданов, 2019. С. 166]) не ставил перед собой задачи формулировки всеобщих организационных понятий, которые «относятся ко всякому явлению, но касаются только одной определенной его стороны, а отнюдь не исчерпывают его» [Богданов, 2019. С. 286–287]. Такие понятия – универсальные категории *организационной динамики* [Богданов, 2019. С. 543] – обосновал Богданов, что делает его основоположником марксистского и российского структурализма. Или, если избегать поспешного уподобления тому, что позднее появилось на Западе, и, напротив, акцентировать то, что ранее существовало в России («реалистическое мировоззрение»), – структуреализма.

Категории структурной устойчивости, структурных изменений и кризисов, подвижного (динамического) равновесия, цепной связи, «закона минимума» не только разрабатывались А.А. Богдановым в рамках универсальной «методологии миропонимания», но и использовались им в политэкономии и теории научной организации труда. Опираясь на эти категории в своих работах по теории «структурных схем хозяйственных процессов», долговременного экономического роста и методологии планирования В.А. Базаров, определивший свой исходный пункт так: «единство метода вполне законно там, где качественно различные явления имеют *тождественные* организационные связи, где материально различные процессы *формально* одинаковы, обладают одной и той же *структурой*» [Базаров, 2014. Т. 2. С. 91]. Перед теорией экономической динамики Богданов ставил выявления задачи реальных связей производства и потребления, *изменений в структуре производительных сил общества и структурных сдвигов в конечном потреблении* товаров и услуг, которые внешне и поверхностно отражаются на рынке в форме ценовых сдвигов ([Базаров, 2014. Т. 1. С. 478; Т. 2. С. 25].

С других сторон к категориям динамического равновесия и структурных сдвигов пришли – в контексте экономических проблем статики и динамики – виднейшие немарксистские экономисты СССР 1920-х гг.

Прогресс, экономическое равновесие и структурные сдвиги

Под динамическим равновесием понимается сохранение соответствия между частями системы, все размеры которой одновременно меняются, например, пропорциональность в развитии органов растущего организма или пропорциональность в развитии отраслей растущего народного хозяйства.

В. Базаров

Отражая процессы становления индустриального общества и дисциплинарной структуры теоретического знания, общественная мысль XIX в. прошла сложный путь в интерпретации таких категорий, как статика, динамика и эволюция. Классическая «английская» (и французская) *буржуазная политэкономия*, выступая как доктрина промышленного роста на основе принципа свободной конкуренции, обосновывала устранение «искусственных» ограничений этой конкуренции, и к середине века отождествилась в общественном сознании с принципом *laissez faire*, трактуемым как часть «естественного порядка» неизменного материального мира. Теория ценности (стоимости) классической школы трактовала экономические явления как процессы, подверженные лишь количественным изменениям и возмущениям, с возвратом к «нормальному состоянию» равновесия спроса и предложения.

Классическая политэкономия рассматривала человеческое благополучие как производную от промышленной деятельности, развивающейся спонтанно для удовлетворения личных материальных интересов частных собственников. Явное несоответствие этого учения «язве пролетариата» и пауперизму в передовых индустриальных странах Европы породило протест со стороны французского (и английского) *утопического социализма*, который не только искал на бумаге и в коммунистических экспериментах альтернативу «экономическому строю цивилизации», но и вносил *стадиальный историзм* в понимание форм производства и обмена⁹.

В контексте противостояния «экономистов» и «социалистов» возникла *социология*. Ее основатель О. Конт предназначал новой науке завершающее место в линейном ряду областей позитивного (положительного) знания, выяснение связи между социальным *порядком* и социальным *прогрессом* и миссию выработки *позитивной политики* для реформирования общества ученой «социократией» на основе *консенсуса*.

Выходец из парижской Политехнической школы Конт перенес в социологию из механической картины мира различие *статики* и *динамики*, взаимозависимость которых в обществе является особым случаем принципа постоянной связи движения и равновесия Д'Аламбера [Барт, 1902. С. 32]. Конт был также одно время учеником великого утописта К.А. Сен-Симона (ученика Д'Аламбера), которого покинул со скандалом, «прихватив» идею «трех стадий» умственного прогресса человечества – религиозно-авторитарной, спекулятивно-метафизической и научно-позитивной, но отринув профетическую оболочку учения Сен-Симона об индустриализме. Однако позднее сам Конт пришел к похожей проповеди, и его итоговый труд «Система позитивной политики, или Трактат по социологии, устанавливающий религию Человечества» едва не дискредитировал народившуюся *философию позитивизма*, отождествляемую с обобщениями выводов, к которым приходят естественные науки.

⁹ Ш. Фурье выделял 3 стадии «раздробленного» производства (патриархат, варварство и цивилизацию) и 3 стадии будущего «социетарного» производства («гарантизм», «социантизм» и «гармонизм»), а Р. Оуэн – 3 стадии товарного обмена: бартерную, денежную и по «трудовым квитанциям».

Вследствие нападок Конта на социалистов и на классическую философию, отождествленную со спекулятивной метафизикой, к «дрянной позитивизму» [Маркс, 1963. С. 197] отрицательно отнеслись Маркс и Энгельс, убежденные в неоспоримости приемов мышления, данных гегелевской диалектикой в ее радикальном и материалистическом истолковании. В ключевых идеях Конта они находили лишь заимствования у Сен-Симона [Энгельс, 1966. С. 327], отношение к которому с годами стало у Маркса восторженным [Маркс, 1962. С. 155]. Энгельс, в стремлении уяснить «диалектику природы» на основе новых «великих открытий» в физике и биологии – закона сохранения энергии, учения о строении живой клетки и дарвиновского эволюционизма – подчеркнул значение попыток энциклопедически резюмировать достижения естествознания «двумя гениальными мыслителями» – Сен-Симоном и Гегелем [Энгельс, 1961а. С. 512, 564–565].

Термин «социология» основоположники марксизма не приняли, хотя с позитивистской социологией материалистическое понимание истории сближали взгляд на общественный процесс как на «естественно-исторический», враждебность «метафизике», перенесение в политэкономии категории «формация» из первой эволюционной науки – геологии. Возникновение дарвинизма и эволюционного подхода в антропологии и этнографии и одновременно новые достижения точных наук, установившие механическое единство неорганического мира поспособствовали широкому распространению позитивистской философии и социологии – без отождествления с «контизмом» [Оршанский, 1893. С. 114]. А исторический («экономический») материализм стали определять как особую социологическую школу не только буржуазные профессора вроде М. Ковалевского и П. Барта, но и мыслители, считавшие плодотворным соединением марксистского монизма с *новым* позитивизмом, выводящим «научную философию» уже из достижений естествознания не начала или середины XIX в., а кануна и начала XX в. [Филиппов, 1897; Богданов, 1906. С. 38].

«Закона трех стадий» было явно недостаточно для выяснения связи между «социальным порядком» (статикой) и «социальным прогрессом» (динамикой) [Барт, 1902. С. 47]. Автор первого трактата о социальной статике (с подзаголовком «Ключевые условия человеческого счастья») утилитарист Г. Спенсер придавал особое значение психологии и политической экономии, игнорированным контовской линейной классификацией наук, и еще до Дарвина стал развивать идею биологической и социальной эволюции на основе «выживания наиболее приспособленных». В своих «основаниях» биологии, психологии и социологии Спенсер определил три универсальных аспекта эволюции – *дифференциацию, интеграцию и возрастание определенности функций*; он первым стал систематически использовать понятия «структура» и «функция» применительно к общественным процессам. В универсально-эволюционных схемах Спенсера проводилась идея о развитии как определенном направлении структурных и функциональных изменений под воздействием внешней среды, как комбинации большей устойчивости при малой изменчивости одной группы явлений и большей изменчивости, зато малой устойчивости другой группы явлений. В качестве всеобщего принципа динамики Спенсер выдвинул *подвижное равновесие* как переход к новым состояниям при сохранении типа системы с фиксацией приспособительных изменений, определяемой естественным отбором [Оршанский, 1893. С. 139, 142].

Специально же социальную динамику Спенсер отождествил с движением от «бес-связной однородности» индивидов к агрегату их «связной однородности» в отношениях по типу свободной коммерческой сделки [Спенсер, 1877. С. 623–624]. Подчеркивая противоположность своего индивидуализма холизму Конта, Спенсер был доктринером *laissez faire* и противником не только контовской «социократии» и любых форм социализма, но и социальных реформ вообще. Его приравнивание неограниченной конкуренции к естественному отбору в экономике («выживание наиболее приспособленных» фирм и бизнесменов) легко конвертировалось в апологию капитализма крупных корпораций [Galbraith, 1977. Р. 46–48]. Чем и занимался спенсерист и «социал-дарвинист», первый социолог США

У. Самнер, а сам Спенсер стал самым популярным философом в США, снискавшим особое расположение «промышленных королей» Дж.Д. Рокфеллера и Э. Карнеги.

Но позитивистская «динамическая социология» принимала и иные направления. Другой основатель социологии США, Л. Уорд, выступал за «социократию», или «реформистский социал-дарвинизм»: против неограниченного «социального попустительства сильным» и за элементы социального обеспечения и социального планирования [Гейбриел, 1979. С. 24]. Определив социальную динамику как процесс *изменения социальных структур*, Уорд обосновал разграничение экономических процессов на «генетические», вытекающие из рыночной конкуренции (ценообразование и распределение под воздействием спроса и предложения, закон Грэшема, накопление индивидуальных капиталов), и «телические», связанные с коллективно-кооперационными соединениями и «социологическим законодательством» [Гвирицман, 1912. С. 150, 179, 181]. «Коллективный телезис» – это общественно-целесообразное, «планомерное», «совершающееся по косвенному методу» нормирование имеющих место в повседневной жизни самопроизвольных действий индивидов, преследующих свои интересы [Гвирицман, 1912. С. 187].

Параллельно с формированием маржиналистской неоклассики получила распространение категория *экономического (рыночного) равновесия*, отразившая в различных трактовках различия французского и английского позитивизма. Французская традиция точных наук была ориентиром для лозаннской школы Вальраса – Парето (теория общего экономического равновесия), тогда как для Маршалла – биология, а не механика [Маршалл, 1993. С. 210–211]. Трактовка Маршаллом экономического прогресса в целом была экономической интерпретацией трех универсальных аспектов эволюции по Спенсеру – дифференциации, интеграции и возрастания определенности функций. [Гловели, 2017. С. 365]. Однако маршаллианская теория частичного рыночного равновесия, также как ТОЭР Вальраса – Парето, ограничивалась статикой (в лучшем случае – сравнительной статикой) «нормальной» денежной экономики. Шумпетер, претендовавший на создание неоклассической теории экономической динамики, констатировал, что ведущие теоретики маржинализма абстрагировались от феномена эволюции, «многие, среди них Бем-Баверк, вообще не желали слышать о таких понятиях, как статика и динамика» [Schumpeter, 2006. P. 932–933].

Динамические и кризисные явления в мировом хозяйстве неоклассическая статика с ее гладким миром робинзонад, уравнений и графиков «отдала» марксистской политэкономии и представителям социал-реформизма и исторической школы. Именно эти – в современной терминологии «гетеродоксальные» – направления выдвигали на первый план проблемы изучения экономической динамики, включая разработку теории *конъюнктуры* (нем. *Konjunktur* – «сочетание обстоятельств») как формы движения капиталистического хозяйства через подъемы, экспансии и спады.

Инициатор разработки теории конъюнктуры в России М. Туган-Барановский организовал в начале 1910-х гг. на юридическом факультете С.-Петербургского университета экономический семинар, где изучение теории и практики рыночной экономики переплелось с влиянием позитивистской социологии (Уорд, Ковалевский и др.). Спустя десятилетие это сказалось в разработке проблем экономической долгосрочной динамики и «экономической генетики» бывшим участником семинара Туган-Барановского директором Конъюнктурного института Н. Кондратьевым.

Кондратьев рассматривал хозяйственную конъюнктуру как *видовое* понятие по отношению к *родовому* понятию экономической динамики, охватывающему закономерности процесса изменений экономических элементов и их соотношений. Изменения Кондратьев классифицировал, с одной стороны, на количественные и качественные; с другой стороны, на эволюционные (необратимые) и волнообразные (обратимые), определив хозяйственную конъюнктуру как колебательное изменение совокупности экономических элементов, в котором проявляются обратимые волнообразные динамические процессы. [Кондратьев, 1989. С. 48, 58].

При построении своей гипотезы больших циклов конъюнктуры Кондратьев отталкивался от выделенных в теории частичного рыночного равновесия Маршалла краткосрочного, долгосрочного и «векового» периодов. Конкретизируя, Кондратьев отделил от низшего статического уровня равновесия между рыночным спросом и предложением два динамических уровня равновесия между рыночными ценами и ценами производства. На одном происходит нарушение и восстановление экономического равновесия при неизменном запасе основных капитальных благ; на другом, высшем, – на основе обновленного запаса основных капитальных благ. Отклонения от равновесия на динамических уровнях порождают соответственно периодические промышленные кризисы и фазовые повороты долгосрочной конъюнктуры [Кондратьев, 1989. С. 216–217].

Дискуссия по поводу гипотезы Кондратьева содействовала вхождению в обиход экономической науки категории *структурных сдвигов*, как возможного объяснения смены больших циклов конъюнктуры. Появилась трактовка структурных сдвигов как «самого существа» экономической динамики, связанной с вхождением новых элементов в систему и с нарушением (количественным или качественным) старых связей между элементами [Первушин, 1929. С. 127, 129].

С одной стороны, понятие структурных сдвигов вписалось также в разгоряченный контекст дебатов, порожденных *курсом на индустриализацию*, провозглашенным XV съездом ВКП(б). Разумеется, поставленная партией большевиков цель «превращения СССР из страны, ввозящей машины, в страну, производящую машины», предполагала структурные сдвиги, беспрецедентные по историческим меркам. Остро встали вопросы об объективных возможностях таких сдвигов, методах осуществления, сроках, темпах, социальной цене.

С другой стороны, на низшем (по Кондратьеву) уровне рыночного равновесия – между спросом и предложением – в экономике и политике СССР развернулись кризисные процессы, обусловленные «ножницами цен»: занижением властью цен на покупаемое у крестьянства зерно при завышении цен на продукцию городской промышленности ([Кржижановский, 1923]. Концепция «первоначального социалистического накопления» неистового Е. Преображенского, ставшая экономической программой «левой оппозиции» в ЦК ВКП(б) возмущала как главных авторов «генеральной линии партии» Н. Бухарина и Предсовнаркома А. Рыкова, так и экономистов – «спецов», особенно аграрников, обеспокоенных угрозой нового нажима на крестьянство вплоть до «третьей революции», на этот раз против «кулака».

Среди «спецов» – аграрников периода НЭПа, подключившихся к дебатам об индустриализации, надо выделить старого неонародника Н. Огановского, разработавшего концепцию исторического перехода от аграрного к индустриальному обществу в Европе как процесса цепочки диверсифицирующих изменений: в структуре полеводства – отраслевой структуре сельского хозяйства – структуре народного хозяйства в целом с опережающим ростом промышленных отраслей. Изначально относивший себя к *сельскохозяйственной*, а не политической, экономии Огановский подверг критике основные направления западной политэкономии за абсолютизацию их основополагающих принципов: перенаселения и убывающего плодородия (классический либерализм); разделения труда и дифференциации (спенсеризм и неоклассика); преимуществ крупного производства и классовой поляризации (марксизм). Методологическим стержнем аграрно-эволюционной теории Огановского стал многоаспектный критерий равновесия: между количеством населения и количеством жизненных средств, доставляемых сельским хозяйством; между земледелием и животноводством внутри сельского хозяйства; между сельским хозяйством и народным хозяйством в целом. По критической оценке Огановского, западная политэкономия неправомерно экстраполировала опыт европейского XIX в., «залитого яркой краской индустрии» [Огановский, 1911. С. 540].

На протяжении веков, когда индустрия не играла существенной роли в народном хозяйстве, экстенсивная система парового земледелия (феодалное трехполье) обеспе-

чивала только *простое воспроизводство*, неуклонно нарушая равновесие между пахотным земледелием и пастбищным животноводством, поскольку требовалось расширение пашни за счет пастбищных угодий для скота. Революционные сдвиги в структуре посевов (добавление к хлебным злакам кормовых трав и корнеклубнеплодов) привели не только к восстановлению равновесия между интенсифицированным многопольным земледелием и обеспеченным круглогодичной кормовой базой животноводством, но и к *расширенному воспроизводству*, или устойчивому развитию производительных сил, обеспечиваемому взаимным стимулированием многопольного земледелия, интенсивного животноводства и несельскохозяйственных отраслей. Школы политической экономии проглядели эти структурные сдвиги [Гловели, 2018. С.39, 44].

Подобно своему почти ровеснику Богданову, Огановский подчеркнул универсальное значение «закона минимума» [Огановский, 1911. С. 558], указав на «слабое звено», ограничивавшее экономический рост основной части Западной Европы вплоть до XIX в., а России – и с наступлением XX в. – сохранение исчерпавшей себя экстенсивной «несчастной трехполки» [Огановский, 1914. С. 13]. Переход к многополью не осуществился в Российской империи и в наиболее успешную для ее сельского хозяйства «стольпинскую пятилетку» 1909–1913 гг., что делало экономический рост того времени неравновесным и ущербным.

Включившись в дебаты о перспективах экономического роста в СССР, Огановский обосновывал осуществление структурных сдвигов, превращающих страну в индустриально-аграрную таким образом, чтобы целевая установка на индустриализацию учитывала очень большую роль элементов стихийности в «ведомом» крестьянском хозяйстве, и поддерживалось динамическое равновесие между сельским хозяйством и народным хозяйством в целом, подразумевавшее равновесие между ценами на сельскохозяйственные и промышленные товары и равновесие между темпами роста доходности сельского и городского трудящегося населения [Огановский, 1927. С. 23–24].

Энес (народный социалист), член Предпарламента Российской республики Огановский наряду с молодым замминистра земледелия последнего Временного правительства правым эсером Кондратьевым входил в 1917 г. в межпартийную Лигу аграрных реформ. А в 1920-е гг. Огановский с Кондратьевым уже как нэповские беспартийные «спецы», члены коллегии Наркомзема, руководили составлением первого ориентировочного 5-летнего плана-прогноза развития советского сельского хозяйства (на 1923/24–1928 гг.). Кондратьев выдвинулся не только как конъюнктуровед, но и как ведущий теоретик «генетического» планирования-предвидения, базирующегося на прогнозировании пропорций и тенденций, складывающихся в хозяйстве под воздействием рыночной конъюнктуры («генетики» в смысле Уорда); при этом, как и Огановский, он настаивал на том, чтобы равновесные цены обеспечивали крестьянству расширение и укрепление его хозяйства.

Концепция плана-предвидения Кондратьева, отсылавшая к формуле Конта(!) «знать, чтобы предвидеть; предвидеть, чтобы управлять», отправлялась от разграничения трех типов экономической динамики: 1) событий иррегулярных; 2) событий более или менее регулярно повторяющихся и 3) общей перспективы развития. [Кондратьев, 1989. С. 102, 105–107]. Чтобы управлять перспективой (на индустриализацию), необходимо «выяснение пределов, форм и методов» воздействия на стихийный ход событий первых двух типов и предвидение, опирающееся на знание закономерностей рыночного равновесия. К пределам воздействия относились емкость рынка для промышленных товаров и темпы роста весьма зависимого от стихийности сельского хозяйства, которым должны были быть соразмерны проектируемые капитальные вложения в видах структурных сдвигов в промышленности.

За отсутствие такой соразмерности – отрыв проектируемых темпов промышленного роста и объемов капитального строительства от емкости потребительского рынка и темпов роста сельхозпродукции – Кондратьев и Огановский подвергли критике «телеологическое»

обоснование форсированной индустриализации С. Струмилиным ([Огановский, 1927. С. 36], [Кондратьев, 1989. С. 136–145]). Кондратьев прямо предостерегал о такой практической опасности «пробела во внутреннем согласовании динамики различных отраслей хозяйства», как угроза дефицита сельхозпродуктов для потребления при осуществлении индустриализации [Кондратьев, 1989. С. 169, 155].

Струмилин, называвший себя «планировщиком-коммунистом», отмахнулся от «эпигонов народничества» [Струмилин, 1927]. Но его коллега по Госплану Базаров, который никогда не был народником, тем не менее подчеркивал, что «генетически» выверенный план сельскохозяйственной продукции является «тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности» [Базаров, 2014. Т. 1. С. 426].

С самого начала своей работы в Госплане Базаров вместе с В. Громаном брал за основу методологии хозяйственного плана принцип «лимитов и цепной связи» – прямое приложение тектологии [Базаров, 2002. С. 32–33] – но с поправкой, что основной предпосылкой успешности советского планирования, диктуемой *внутренней структурой* промышленности, является НЭП, т.е. наличность рынка и связанного с последним *хозрасчета* [Базаров, 2014. Т. 1. С. 312–313, 334]. Однако возрожденный после «военного коммунизма» рынок, с одной стороны, и проведение планового начала, с другой, наталкивались на различные минимумы связанных цепной связью элементов хозяйственного процесса. Таковыми были, например, дефицит потребительских товаров на рынке с неэластичным спросом или недостаток платежеспособности, из-за чего возникала «атмосфера товарного голода или кризиса сбыта» [Базаров, 2014. Т. 1. С. 304]; недостаток непосредственного учета многих элементов общественной продукции и народного дохода, о которых приходилось судить на основе малоточных и ненадежных показателей; «конечное звено» вольного, т.е. неопределенно изменчивого рыночного спроса в цепной связи перспективных заявок при планировании [Базаров, 2014. Т. 2. С. 21]. К числу важнейших лимитов при планировании социалистической реконструкции Базаров относил недопустимость чрезмерного сжатия потребления широких масс населения (ниже норм капиталистического хозяйства) [Базаров, 2014. Т. 1. С. 429], а также «скоропелое» формальное обобществление и чрезмерное капитальное строительство, деформирующие структуру производительных сил [Базаров, 2014. Т. 2. С. 231].

Поэтому, сходясь с аграрниками – «генетиками» в признании особой значимости емкости сельского и городского потребительского рынка для устойчивости системы подвижного экономического равновесия, Базаров предлагал начинать индустриализацию с отраслей, производящих предметы потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже носит достаточно массовый характер [Базаров, 2014. Т. 2. С. 230]. Ключевыми принципами методологии концепции оптимального планирования Базарова как синтеза «генетики» и «телеологии» стали плавность проектируемых темпов промышленного роста, соразмерность, согласованность элементов «максимально устойчивой системы подвижного равновесия» и рациональная очередность [Базаров, 2014. Т. 1. С. 429; Т. 2. С. 230].

Н. Кондратьев, который даже при НЭПе не особо скрывал своего антимарксизма [Валентинов, 1991. С. 143], так же как и уклонившийся в экономическую географию Огановский, едва ли были знакомы с трудами А. Богданова по организационной науке. Однако нетрудно заметить, что вышеприведенная кондратьевская классификация элементов экономических изменений представляет собой конкретизацию богдановской организационной динамики, а иррегулярные и более-менее регулярные события, значимые для хозяйственной конъюнктуры, – частный случай воздействий среды, определенно изменчивых и неопределенно изменчивых, на всякий комплекс. Базаров же не только знал, но и применял тектологию, хотя ввиду неблагоприятной идеологической конъюнктуры не

упоминал ни о ней, ни о друге. Базаровская «синтезная концепция» планирования была конкретизацией «самых общих рассуждений», с которыми выступил Богданов в докладе «Организационная наука и хозяйственная планомерность» на первой конференции по НОТ. Конференция проходила еще в период «военного коммунизма», за месяц до создания Госплана РСФСР во главе с Г. Кржижановским и за два месяца до декрета о замене продразверстки продналогом, ознаменовавшего переход к НЭП. Но Богданов, предвосхищая задачи планирования при НЭПе, говорил, что «товарообмен может практически облегчить задачу», а в некоторых отраслях придется прибегнуть к арендам и концессиям. Однако главная трудность – связь государственного плана с 20 млн мелких крестьянских хозяйств; урегулировать всю эту массу, очевидно, немыслимо. Но «из нее огосударствленное хозяйство черпает важнейшие жизненные соки – продовольствие, в значительной мере топливо, частью даже рабочую силу; и между тем крестьянское хозяйство также подорвано и тоже нуждается в восстановлении, ему необходимо давать нужные средства, чтобы могла поддерживаться его производительность. В этих пределах его насущные потребности должны быть учтены и включены в систему общего плана; иначе все расчеты могут быть на деле разрушены» [Богданов, 1989. С. 278].

Базаров добавил к абстрактным организационным принципам хозяйственного плана конкретный опыт НЭПа с наличием хозяйственного расчета как «автоматического счетчика», упрощающего задачу контроля и самоконтроля. Однако форсированная индустриализация, проводимая при «телеологическом» директивном планировании, сломала механизмы НЭПа, не считаясь ни со «смычкой» с мелкими крестьянскими хозяйствами, ни с емкостью потребительского рынка, ни с плавностью темпов, ни с соразмерностью отраслей промышленности, ни с «узкими местами».

Планировщики-коммунисты в убеждении, что ведут народное хозяйство «по свободному и широкому руслу к социализму», отвергли теорию «узких мест» и восхваляли навязанное Политбюро ЦК ВКП(б) «величайшее ускорение» с выходом отраслевых показателей темпов роста промышленности на «уровень наметок последнего года плана» [Кактынь, 1929. С. 2].

В первую советскую пятилетку были осуществлены действительно беспрецедентные структурные сдвиги в народном хозяйстве СССР одновременно с обобществлением (сплошной коллективизацией) сельского хозяйства и заменой рыночного равновесия «телеологическим» плановым ценообразованием. В обосновании последнего значительную роль сыграл Струмилин, который, однако, предпочитая «стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие», в новом Госплане, руководимом верным сталинцем В. Куйбышевым, был оттеснен на вторые роли. Его же оппоненты – «эпигоны народничества» и «меньшевики» – угодили в тюрьмы и ссылки.

Результатом форсированной индустриализации при «телеологическом» проведении первого пятилетнего плана стали действительно беспрецедентные *структурные сдвиги*, главные из которых застрельщик разгрома «теории равновесия» и направитель «революционного разрушения» равновесия в экономике СССР И. Сталин самодовольно изложил по схеме «у нас не было» – «у нас она есть теперь»: база черной металлургии на Востоке страны; тракторная, автомобильная, станкостроительная, современная химическая, авиационная промышленность. Даже в этом перечислении генсек не обошелся без нарочито грубых искажений, заявив, что в производстве электроэнергии, угля и нефтепродуктов страна ушла «с последнего» (!) места [Сталин, 1951. С. 178–179]. Но главные «теневые» последствия создания новых отраслей промышленности «в таком масштабе и таких размерах, перед которыми бледнеют масштабы и размеры европейской индустрии», были скрыты. От «обвала» темпов роста промышленности в последнем году пятилетки и фактического невыполнения и в предыдущие годы заданий не только директивного «оптимального», но и более умеренного (отвергнутого как «правоуклони-

стский») «отправного» варианта до массового голода – ничего из этого официально не обсуждалось.

Сталинские плановики декларировали «быстрый рост потребления масс» [*Как тынь*, 1929. С. 2]. На самом деле вновь, как при «военном коммунизме», «диктатура пролетариата» установила для пролетариата (теперь, правда, быстро растущего в численности) карточную систему. Впервые в истории промышленности страны и уже до самой кончины СССР доля отраслей группы «А», производящих средства производства, превзошла долю потребительских отраслей группы «Б», но этот принципиальный структурный сдвиг был следствием не только *абсолютного роста* тяжелой индустрии, но и *сокращения* производства в легкой и пищевой промышленности. Даже Сталин признал невыполнение первого пятилетнего плана по легкой и пищевой промышленности, но прикрыл это ссылкой на необходимость затрат на перевооружение РККА.

Но он не признал, что «рваные» темпы роста тяжелой промышленности, «подхлестываемой», начиная со 2-го года пятилетки, директивными требованиями добиться к пятому году выплавки 17 млн т чугуна вместо задания 10 млн т по «оптимальному» плану (8 млн т по «отправному»), в итоге лишь несколько превысили 6 млн т [*Хавин*, 1968. С. 77–78]. Что сбылись – в худшем виде – предостережения сторонников «синтезного» и «генетического» планирования о диспропорциях из-за чрезмерного капитального строительства и отрыва темпов роста тяжелой индустрии от остальных отраслей, о дефиците продовольствия вследствие удара по сельскому хозяйству.

Разрушение того «равновесия», которое отстаивали ведущие экономисты 1920-х гг., привело к «телеологическому» формированию системы, оказавшейся способной выиграть величайшую войну в истории и первенство в космонавтике. Но ценой не только сверхнапряжения, но и накопления структурных проблем, породивших избыточные затраты ресурсов, низкие потребительские характеристики продукции отраслей группы Б, сползание от импортозамещения к новой зависимости от импорта оборудования в отраслях группы А. И в итоге потери от структурных и прямых количественных диспропорций привели к краху системы [*Яременко*, 1999. С. 10].

«Под могильной плитой Маркса»: разрушение равновесия, деборинщина и ильенковщина

Деборин – специалист по философии.
Не в том смысле, что он знает философию,
а в том смысле, что он не знает ничего другого.
А. Богданов

А. Богданов в дебатах 1920-х гг. о долгосрочной экономической динамике и перспективном планировании участия не принимал. Но в политэкономических дискуссиях в Комакадемии он дал общую формулировку рыночного равновесия предприятия, ведущего расширенное воспроизводство: предприятие должно получать в виде вознаграждения за свой продукт, кроме $c + v$, еще некоторую величину, которая определяется общим расширением хозяйства [*Богданов*, 1926. С. 214]. Пропорции товарного воспроизводства, регулируемого стихийно действующим рыночным ценообразованием, Богданов рассматривал как особый случай универсального «закона трудовых затрат», которому в «более планомерной форме» отводил роль регулятора сознательно устанавливаемых производственных пропорций в социалистическом будущем.

Категорию «закона пропорциональных трудовых затрат» и трактовку рыночного закона стоимости («закона ценности»), как его частного случая, подхватил Н. Бухарин, ссы-

лавшийся на известное с начала XX в. письмо К. Маркса Л. Кугельману от 11 июля 1868 г., в котором автор «Капитала» подчеркивал, что закон стоимости как историческая форма «естественной необходимости» лишь «как слепо действующее среднее» прокладывает себе путь в буржуазном обществе, в котором «a priori не существует никакого сознательного общественного регулирования производства». Но сама «необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, – измениться может лишь форма ее проявления» [Маркс, 1964. С.460–461].

Бухарин ссылаясь на «закон трудовых затрат» в своей полемике с «троцкистскими сверхиндустриалистами», предлагавшими не смущаться *диспропорциями* при «первоначальном социалистическом накоплении» и еще более раздвинуть «ножницы цен» в товарообмене между городом и деревней, тем самым разрушая рыночное равновесие. В свою очередь, «синтезная концепция» перспективного планирования Базарова опиралась на «закон пропорциональных трудовых затрат» в контексте системы «подвижного экономического равновесия» между капитальным строительством и емкостью рынка, накоплением и потреблением и т.д.

Однако на «философском фронте» 20-х гг. категория «подвижного равновесия» подвергалась обструкции как часть концептуального аппарата тектологии Богданова, травимого журналом «Под знаменем марксизма», с горькой иронией переименованного Богдановым в «Под могильной плитой Маркса». Редактором журнала был назначен с благословения Ленина и Троцкого А. Деборин, бездарный, но верный ученик Плеханова. В свое время он ответил на критику Богдановым бессодержательности полукантовского определения «материи» как «вещи в себе» заявлением, что требовать от материалиста определения «вещи в себе» все равно, что «требовать от теолога объяснения относительно причины его бога». А теперь возвестил, что «в лице Плеханова русская действительность в целом осознала самое себя» [Деборин, 1922. С. 10]. Сам же Деборин явно метил в философские «вожди» от «плехановской ортодоксии».

Один из старейших советских экономистов Ю. Зубчанинов, учившийся в самом начале 1920-х в МГУ, в своих опубликованных посмертно воспоминаниях отметил, что наряду со старой профессурой и пр. лекции читали видные большевики Бухарин, Луначарский и другие, «еще не привыкшие к своему новому положению вождей», и «отказавшийся от этого положения Богданов» [Зубчанинов, 1995. С. 20]. Последний раз вернуться в партию и в политику бывший «вице-лидер» большевиков отказался на устроенной Бухариным встрече со Сталиным по случаю создания Института переливания крови. Напротив, бывший меньшевик Деборин в 1928 г. был принят в ВКП(б), минуя кандидатский стаж, а уже через год был со скандалом продвинул в академики уже как партийный философ, несмотря на сопротивление академика Вернадского, оценившего деборинский «диалектический материализм» как «пережиток гегельянства», бесперспективный для плодотворных для естествознания «положительных философских построений» [Вернадский, 1988. С. 71, 70]. Такая оценка не удивительна: ведь с самого начала плехановско-деборинский диамат нацеливался не на «положительные философские построения», а на заушательскую критику «нематериалистов» и «недиалектиков», или, как отмечал А. Богданов, сочетание «довольно-таки механично усвоенной политграмоты с общенаучной... опять-таки малограмотностью», заезженных цитат с «самыми безнадежно-схоластическими гегелевскими суждениями» [Богданов, 2019. С. 616]¹⁰.

¹⁰ Образчик деборинского «диалектического материализма» как «всеобщего метода научного познания»: «Внешнее есть проявление внутреннего, внутреннее есть вместе с тем внешнее. Во внутреннем нет ничего, чтобы не проявилось во внешнем, а во внешнем нет ничего, чего бы не было во внутреннем. Внешнее и внутреннее составляют лишь моменты одного и того же; внешнее лишь относительно внешнее, стало быть; одновременно и внутреннее и наоборот» [О разногласиях..., 1930. С. 60].

Падение «правого уклониста» Бухарина дало Деборину и его своре новые козыри. Пока по указанию Сталина НКВД вел «проверочно-мордобойную работу» с экономистами – «спецами», протестовавшими против разрушения равновесия «великим переломом» в хозяйстве СССР, диаматчики с готовностью предложили свои «философские» эскорт-услуги для изобличения «политической экономии вредительства». Тон задал сынок самого Деборина, обрушившийся на «синклит» Базарова, Громана, Кондратьева, Огановского за проведение *принципа равновесия* при построении перспективного народнохозяйственного плана и за то, что приковывая развитие советского хозяйства к действию *закона стоимости*, они «совместными дружными усилиями пытаются увековечить техническую отсталость СССР» [Деборин, 1930. С. 57–58].

«Принцип равновесия» требовал преодоления «ножниц цен» – «диспропорции между трудовой стоимостью основных продуктов земледелия и промышленности» [Базаров, 2014. Т. 1. С. 304]. Но экономика «разрушения равновесия» ради форсированной индустриализации и посредством сплошной коллективизации, напротив, раздвинула эти «ножницы». Заготовительные цены на зерно и продукцию животноводства, диктуемые государством колхозам, возмещали не более 10-15% затрат на производство основных видов сельскохозяйственной продукции [Малафеев, 1975. С. 75]. Эти искусственно заниженные неравновесные цены позволяли государству создавать огромные накопления, почти целиком переходившие в сферу тяжелой индустрии, которая могла благодаря этому продавать свою продукцию тоже по заниженным отпускным ценам, создавая, таким образом, на нее повышенный спрос [Бокарев, 1994. С. 243]. Такого спроса не возникло бы (как предупреждали экономисты – «генетики») в условиях рыночного равновесия, – оно и было разрушено, чтобы форсировать структурные сдвиги, причем подхлестывание темпов усугубило проблему высокой себестоимости продукции отраслей тяжелой промышленности из-за значительного процента брака, низкой производительности труда, тяжелых неполадок, массовых поломок на многих спешно построенных заводах [Розенфельд, Клименко, 1961. С. 220]. Напротив, розничные цены на промтовары для народного потребления, в которые закладывался налог с оборота, резко увеличились [Малафеев, 1964. С. 153].

Неравновесное ценообразование, попиравшее «закон трудовых затрат», было атрибутом созданного в «пятилетку разрушения равновесия» механизма массивированной перекатки ресурсов из аграрного сектора в индустриальный, а внутри промышленности – из отраслей группы Б в отрасли группы А [Горин, 1990. С. 34, 39–40; Гловели, 2014. С. 535–536]. Занижение заготовительных цен на сельскохозяйственную продукцию было подчинено еще и задачам экспортной реализации зерна для последующего приобретения импортных технологий, которые правительство решило закупить по максимуму в условиях, когда оборудование не находило сбыта на западных рынках ввиду «Великой Депрессии», и цены на него существенно снизились. Но цены на сельхозтовары на западных рынках упали гораздо ниже, и «уникальные возможности» мирового кризиса обернулись для СССР чудовищными издержками [Кагарлицкий, 2004. С. 432].

А советским политэкономам пришлось «начисто отрицать» не только «теорию равновесия», но и закон стоимости [Цаголов, 1983. С. 96]. И вместе с «диаматчиками» громить «вредительскую» философию репрессированных экономистов, которые смели требовать «эквивалентного обмена», «восстановительных цен», «регулятивной идеи равновесия» для производства, распределения и денежного обращения [Вышинский, 1930. С. 149, 147]. На страницах деборинского журнала особо усердствовал некто Вышинский, однофамилец уже назначенного генеральным прокурором РСФСР главного юридического обоснователя массовых репрессий. Писака обнаружил «полный набор тектологической тарабарщины» у Базарова – «организационные связи», «структурные схемы» и т.д. [Вышинский, 1931. С. 135]. Но следом рубанул по самим деборинцам, их «фейербахизму».

Недавно была переиздана книжонка одного из главных диаматчиков-деборинцев; в аннотации об авторе сказано, что он «был настоящим лидером». Судя по хамско-невежественной манере его антибогдановских статей, *настоящим* он был негодяем, хоть и не последним. Последние негодяи «под могильной плитой Маркса» пришли на смену деборинцам. А тех сбросили с лестницы «наглого террористического карьеризма» [Семенов-Тянь-Шанский, 2009. С. 230] после того, как их зарвавшийся «глава школы» намекнул Сталину, что готов сотрудничать с генсеком наподобие Маркса и Энгельса как «теоретик» с «практиком» [Некрич, 1979. С. 18]. Генсек, с дней своего 50-летнего юбилея и партийно-государственного единовластия уже провозглашенный «старыми большевиками» великим «теоретиком марксизма», дал отмашку последним негодьям «философского фронта» развивать «ленинский» (читай: сталинский) этап марксизма и расправиться с диаматчиками-деборинцами за «меньшевистствующий идеализм» – недооценку Ленина-философа и захваливание идеалиста Гегеля и меньшевика Плеханова.

«Могильная плита Маркса» в итоге раздавила «плехановских ортодоксов» – хулигелей Богданова; хотя рептильного Деборина не тронули. В плаксивых и лживых воспоминаниях на склоне лет этот диаматчик-орденоносец показал, что многое забыл и ничему не научился, продемонстрировав верность всей фанаберии и двойным стандартам своей «философской школы». Ничтоже сумняшеся называя себя «учителем целого поколения» и жалуясь на свою участь в годы изобличения «деборинщины», он, как ни в чем не бывало, ставил себе в заслугу «ряд статей» своих учеников «против богдановщины». При этом (маразм же) утверждал, что тектология Богданова «пользовалась известным успехом» в «первые два десятилетия века», хотя она появилась лишь в 1913 г. И все это после лицемерных фраз, что «в подлинной науке, не преследующей карьеристских или недобросовестных целей, принято, прежде чем вынести свой приговор – положительный или отрицательный – изложить объективно концепцию критикуемого лица» [Деборин, 2009. С. 118, 123, 144].

Но вынесение деборинщиной «приговоров» новаторским идеям Богданова изначально не предполагало никакого объективного изложения критикуемой концепции. Эти приговоры были столь же заданы, как приговоры на политических процессах с государственным обвинителем А. Вышинским. И не обошлось без «эстафеты» негодяев «под могильной плитой Маркса».

Про самого одиозного из сталинских «философов-марксистов» Митина было известно, что он присвоил себе авторство статьи «Философия» в Большой Советской энциклопедии (том 57 1-го издания, 1936), написанной одним из репрессированных деборинцев [Королев, 1988. С. 6]. Кроме Митина, эту статью подписал еще один негодяй – Щеглов, которому на отзыв была послана рукопись еще одного из репрессированных деборинцев с очередным очернением Богданова. Соплагиатор Митина утилизировал эрзац-продукт деборинщины для книжонки уже только под своей фамилией, дополнив смрад антибогдановских фальсификаций бранью в стилистике речей генпрокурора Вышинского по адресу «эклектика Бухарина». Параллельно писака поместил и специально антибухаринский донос в журнале «Под знаменем марксизма» с инвективами против подмены марксизма «богдановщиной» и уж, конечно, с инсинуациями о «теории равновесия» [Щеглов, 1937. С. 38–40].

Негодяй-плагиатор не сделал такой академической карьеры, как его соплагиатор Митин, однако гнусная ложь из книжонки 1937 г. на десятилетия определила (и, увы, до сих пор во многом определяет) хождение антибогдановских фальсификатов, «кодифицированных» 2-м изданием Большой Советской энциклопедии (Т. 5, 1950) и множеством других энциклопедий и словарей. Ложь касается прежде всего причисления Богданова к «богостроителям» и обвинения его в «пролеткультовском» отрицании *всей* (включая

естествознание!) культуры прошлого¹¹; хотя для 1937 г. (впрочем, и для 1950) особое значение имело обвинение, что Богданов противопоставлял марксистской диалектике как учению о борьбе противоположностей, – «теорию равновесия» и «всеобщую организационную науку» о «гармонии и примирении противоположностей».

Все в том же 1937 г. (журнал «Большевик», № 21) была поспешно опубликована найденная в бумагах умершей младшей сестры Ленина Марии Ульяновой ранняя работа ее брата «По поводу так называемого вопроса о рынках», утаенная Марией [Валентинов, 1991. С. 170] из-за обид на партийные верхи за опалу, которой она подверглась за поддержку Н. Бухарина. Эта работа Ленина по поводу схем расширенного воспроизводства была сырой рукописью с арифметическими расчетами, точность которых (несоблюдаемую [Белых, 2007. С. 19]) также никто не стал проверять, как и в 1929 г. – обоснованность антибогдановских замечаний на полях книги Бухарина «Экономика переходного периода». Но ленинский текст содержал формулировку «закона» об опережающем росте производства средств производства для производства средств производства [Ленин, 1955–1981. С. 100]. Таким образом, опережающий, в нарушение всех экономических равновесий, рост тяжелой промышленности в годы «сталинских пятилеток», получил «освящение» от «вечно живого».

С М. Ульяновой связана еще одна история – сестра Ленина прожила бы на десятилетие меньше, если бы не победившая ее смертельную болезнь одна из первых (и самых успешных) операций по обменному переливанию крови в основанном Богдановым Институте. Этот факт способствовал, однако, не только поддержке последнего начинания Богданова в партийных верхах, но и еще одному домыслу – что, дескать, Институт переливания крови и задуман был для продления жизни «особой породе старых большевиков» (разоблачение блефа – в [Богданов, 2019. С. 655–657]). Истоки домысла – все в том же журнале «Под знаменем марксизма». Сделавший едва ли не главным своим направлением травлю Богданова, ни разу не предоставивший тектологу страниц для защиты своих взглядов, орган деборинщины после гибели Богданова поместил некролог, автор которого, высокомерно поучая Богданова за отсутствие политической «гибкости, умения маневрировать», утверждал, что создатель Института переливания крови якобы «как-то независимо от своей воли невольно восхищался тем делом, которое творит и у нас в СССР, и в во всем мире русский большевизм» [Кривцов, 1928. С. 179, 186]. И Институт был «по существу посвящен» продлению жизненных сил «поколения, которое выпестовало и провело три революции» [Кривцов, 1928. С. 186].

Ничего похожего на цитированные измышления в сочинениях и рукописях Богданова нет! Но некролог Богданову – «герою медицины» – в антибогдановском журнале привлек в конце 1970-х внимание еще одного сочинителя – философа Э. Ильенкова, высокомерно заметившего, что автор, против которого направлен памфлет Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», умер-таки, занимаясь «делом, в котором понимал». «Но вот его ученики, принявшие его взгляды за “подлинно научную философию”, обратились к экспериментам отнюдь не медицинским. Это и причуды Пролеткульта в искусстве¹². Это рискованные эксперименты в советской экономике 20-х годов, основанные на

¹¹ А ведь Богданов не только предлагал учиться у классиков, особенно у Гете, и простирали вглубь истории идею *сотрудничества поколений* вплоть до первобытных художников из Альтамыры [Богданов, 1990. С. 424–425, 452], но и начинал свой главный труд словами: «Я старался также отчетливо выяснить, что тектология не есть нечто принципиально новое, не скачок в научном развитии, а необходимый вывод из прошлого, необходимое продолжение того, что делалось и делается людьми в их практике и в теории» [Богданов, 2019. С. 84].

¹² Заметим попутно, что куда как большими, чем у разгромленного Лениным и Зиновьевым и оболганного при Сталине Пролеткульта, оказались «причуды» «ленинского плана монументальной пропаганды» и «борьбы» Крупской и Лилиной (жен Ленина и Зиновьева) с волшебными сказками и приключенческой литературой.

богдановской теории равновесия, ведущей прямое происхождение от Авенариуса и Маха» [Ильенков, 1980. С. 58].

Из многого сказанного в настоящей статье достаточно ясно, что, во-первых, какая-то одна «теория равновесия», на которую бы опирались ведущие экономисты 1920-х гг., существовала только в инсинуациях дебориных и вышинских. А, во-вторых, что как раз сторонники принципа равновесия в его различных смыслах были *противниками* рискованных экспериментов, проведенных над страной вскоре после смерти Богданова. Ильенков же, культ которого в некоторых современных идеологических сегментах начинает смахивать на культ его идола Ленина, в своем последнем сочинении «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» занялся делом, в котором *ничего* не понимал.

Еще студентом экономического факультета МГУ им. Ломоносова, будучи уже знаком со многими книгами Богданова (включая романы) и главными спорами о нем, я был несколько поражен, прочтя брошюру популярного среди политэкономов Ильенкова: как можно было почтенному философу в здравом уме даже за деньги¹³ написать такую ахинею? Несколько позже от известного историка философии А. Володина я узнал о серьезных проблемах Ильенкова со здоровьем и душевным равновесием. Однако и этим не все объясняется.

Причина глубже – в том изрядном осадке «немецкого филистерства», которое у столь почитаемого Ильенковым Гегеля находили Маркс и Энгельс [Энгельс, 1961б. С. 277], и которое почитаемый Богдановым Мах называл «филистерством специальности» [Богданов, 1911. С. 65].

Трагикомично (или фарсотрагично) то, что Ильенков, в полном соответствии с русской поговоркой, высматривая соломинки в чужих глазах, в собственных не видел бревенчатого филистерства. Ведь начинает он с высокомерного замечания, что диалектик Ленин имел полное основание назвать крупного позитивиста физика Маха «мелким и реакционным философом, т.е. лжеспециалистом в той области, которая исследует сознание (психику, мышление, духовную культуру человечества) и законы его возникновения и развития». Ибо Мах не потрудился изучить «ни Спинозы, ни Канта, ни Гегеля, ни Маркса, ни Энгельса». [Ильенков, 1980. С. 44].

Но очевидно не только то, что Ильенков явно не потрудился изучить экономических коллизий 1920-30-х, не читал экономических работ Базарова или Бухарина, а имен Громана, Кондратьева, Огановского, скорее всего, не знал вообще. И как «лжеспециалист в той области», где взялся выносить вердикты, ставил проблему головой вниз и кривообоко.

Но также ставил он проблемы и в «своей» области – истории философии и социализма. Фарисейски повторяя вслед за Лениным и его клеветом Кривобоковым (Невским) «махизм», «реакционная философия», «философия мертвой реакции», чтобы от имени истории (!) вынести «приговор – окончательный» [Ильенков, 1980. С. 57], основанный на опошляющих обобщениях и еще более на подлогах.

Характерно, что в брошюре Ильенкова *почти нет* ссылок на литературу (не считая, конечно, Полного собрания сочинений Ленина). Взгляды одного третьестепенного автора – критика гегельянщины Я. Бермана – Ильенков выдает за «общую позицию всех махистов» [Ильенков, 1980. С. 51], цитируя его больше, чем всех остальных вместе взятых (при этом ссылки можно пересчитать по пальцам), – в точном соответствии с тем, как «разрушители равновесия» в 1930-е изобличали за «регулятивную идею равновесия» всех «кондратьевцев» (!), якобы открыто заявлявших «себя сторонниками богдановской методологии и его теории равновесия» [Вышинский, 1930. С. 146].

¹³ Они могли и не играть первостепенной роли, но стоит напомнить, что печататься тогда в Политиздате с его сотысячными тиражами было не только престижно, но и высокодоходно.

Конечно, Ильенков пренебрегает тем, что у Богданова речь всегда идет о *динамическом* (подвижном) равновесии – понятии, вошедшем в категориальный аппарат всеобщей организационной науки под воздействием не Маха и Авенариуса, а физико-химика Ле-Шателье и биолога Ле-Дантека. Но главные подлоги начинаются при изложении (вернее сказать – *извращении*) романов Богданова, прочитанных Ильенковым как сутубым филистером специальности и явно не в трезвом уме. Видимо, поэтому ему там везде мерещилось «равновесие» – поистине, как страдающим «белой горячкой» мерещатся черти.

«Читатель, – талдычил Ильенков, – уже успел заметить, как часто повторяется в цитируемых отсюда текстах магическое слово равновесие» [Ильенков, 1980. С. 72]. Но это *подлог* – это *сам* Ильенков (не приводя цитат!) на нескольких страницах назойливо повторяет слово «равновесие». Много чаще, чем оно встречается *во всей* утопии «Красная звезда»! Да еще добавляя «полное и абсолютное» – это уже подлог, аналогичный тому, который Деборин-младший делал по отношению к репрессированному Кондратьеву, привирая, что, согласно теории больших циклов конъюнктуры, «капитализм находится в состоянии постоянного и незыблемого гармонического равновесия» [Деборин, 1930. С. 57].

В фабуле «Красной звезды» о «равновесии» упоминается лишь дважды. Один раз, когда герой теряет душевное равновесие из-за переживаний, что не может работать наравне с марсианами, так как не обладает их «культурой внимания», а их товарищескую заботливость воспринимает с болезненным раздражением¹⁴ [Богданов, 1990. С. 171]. А в другой раз – при описании организации производства, когда землянин знакомится с ней, а марсианин дает разъяснения.

«Необходимо, чтобы каждый мог видеть, где рабочей силы не хватает и в какой именно мере. Тогда, при одинаковой или приблизительно равной склонности к двум занятиям, человек выберет то из них, где недостаток сильнее. А об излишке труда знать точные данные достаточно только там, где этот излишек имеется, чтобы каждый работник такой отрасли мог сознательно принять в расчет и степень излишка, и степень своей склонности к перемене занятия.

...Институт подсчетов имеет везде свои агентуры, которые следят за движением продуктов в складах, за производительностью всех предприятий и изменением числа работников в них. Этим путем точно выясняется, сколько и чего следует произвести на определенный срок и сколько рабочих часов для этого требуется. Затем институту остается подсчитать разницу между тем, что есть, и тем, что должно быть, и сообщать об этом повсюду. Поток добровольцев тогда восстановит *равновесие*» [Богданов, 1990. С. 141].

Этот эпизод – центральный в изображении Богдановым гипотетической планомерной организации, основанной на коммунистических представлениях о будущем «ассоциированном труде, выполняемом добровольно, с готовностью и воодушевлением» [Маркс, 1960б. С. 9], и сменяющей стихийное, устанавливаемое через закон стоимости равновесие между сферами товарно-капиталистического производства. Для филистера Ильенкова эта картина – «богдановская модель» общества по образцу крупного предприятия, взятого со стороны его трудовой техники [Ильенков, 1980. С. 101], подмена «конкретной реальности марксистского представления о социалистическом будущем махистской фантазией» [Ильенков, 1980. С. 68].

Но вот что писал сам Маркс, и не где-нибудь, а в «Капитале»:

¹⁴ «После обычных 4–6 (по земному счету) часов труда я бывал сильно утомлен, и мне нужен был немедленный отдых, тогда как прочие отправлялись по музеям, библиотекам, лабораториям или на другие фабрики наблюдать производство, а иногда даже там еще работать». Отметим очередную подлог Ильенкова: «Что делают марсиане после работы? Кто их знает...» [Ильенков, 1980. С. 65].

«...буржуазное сознание с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося «гения» индивидуального капиталиста. Весьма характерно, что вдохновенные апологеты фабричной системы не находят против всеобщей организации общественного труда возражения более сильного, чем указание, что такая организация превратила бы все общество в фабрику» [Маркс, 1960а. С. 369].

Это сказано после вывода, что «различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию, потому что... закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени общество в состоянии затратить на производство каждого данного вида товара» [Там же. С. 369].

А в наиболее конкретном марксистском представлении о «непосредственно общественном труде» предполагалось, что таким трудом после обобществления становится с самого начала «труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер». «Общество может просто подсчитать... количества труда, заключающиеся в продуктах [...] – т. е. выражать их... в их естественной, адекватной, абсолютной мере, какой является время» [Энгельс, 1961а. С. 321].

Утопия Богданова вовсе не отклонялась от марксистского представления о «союзе свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно [selbstbewusst] расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу» [Маркс, 1960. С. 88]. Но как «позитивная программа русского позитивизма» [Ильенков, 1980. С. 61] она действительно отклонялась от милитаризованного варианта этих представлений, выраженных в пункте 8 программы «Коммунистического Манифеста» («учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия» [Маркс, Энгельс, 1955. С. 447]), и воплощенных в «военном коммунизме» Ленина – Троцкого, а позднее – в сталинизированном «социалистическом» способе производства стратегических вооружений.

Упрек же за модель социализма как единого, так сказать, «мегаиндустриального» «предприятия» с безденежными расчетами может быть адресован Богданову лишь вместе со всем марксизмом. Но примечательно, что друг А. Богданова В. Базаров в своих экономических работах 1920-х гг. обосновывал не только интеграцию рынка и хозрасчета в социалистическую планомерность, но и преходящий характер «казарменно-фабричного стиля индустрии» [Базаров, 2014. С. 232].

Примечательно и другое. В своей «синтезной» концепции подвижного равновесия В.А. Базаров, отводя планирующим органам приоритет в инвестиционных решениях [Эрлих, 2010. С. 93], одновременно доказывал, что скороспелое формальное обобществление может надолго сковать рост производительных сил [Базаров, 2014. С. 231]. Сорок лет спустя хулигатель «махизма» и «теории равновесия» Э. Ильенков писал своему другу Ю. Жданову, что не представляет иного противовеса «формально-юридическому обобществлению собственности», кроме «открытого признания товарно-денежных отношений» [Ильенков, 1999. С. 259–260]. Филистеру от диалектического материализма было невдомек, что принципиальное решение озаботившей его экономической проблемы было намечено позитивистом Базаровым без всякой схоластики «частично-всеобщего=абстрактно-всеобщего=мнимо-всеобщего». Но это решение было похоронено тем разрушением равновесия в советской экономике, с которым солидаризовался Ильенков.

«Диалектическая» подложка Ильенкова и «махизм-ленинизм»

Разговор Л<енина> с К<расиным> в Кремле в 1918 г.
К<расин>: «Теперь самое трудное – организовать производство».

Л<енин>: «Что же тут трудного? Поставим коммунистов, заставим инженеров работать на нас».

Из записных книжек А. Богданова¹⁵

Для искажения мысли Богданова филистеру было мало производственной фабулы – грубому искажению подвергся и сюжет. Ильенков небрежно отмахнулся от акцентированной Богдановым холодноватой сдержанности и философичной рассудочности марсиан, обусловленной вдвое большей удаленностью их планеты от Солнца. Между тем разнотемпераментность, как фактор, зависимый от близости к светилу и осложняющий возможный контакт, в ракурсе темы множественности обитаемых миров (и возможного межпланетного *столкновения цивилизаций*) заслуживала вполне серьезного отношения. Но проблема контакта разноуровневых цивилизаций имела и вполне заземленное измерение в век оголтелого империализма и расизма, в котором писал Богданов.

Позднее, в «Тектологии» Богданов заметит, что «гибель племен и народностей, хотя бы весьма отсталых, суживает базис дальнейшего развития человечества в его целом. Она означает уничтожение тех своеобразных элементов и условий развития, которые возникают из смешения и из общения разных народностей. Насколько бы ни была культура европейских купцов и солдат абсолютно выше культуры каких-нибудь австралийских аборигенов, первые не могут качественно заменить вторых в тех оригинальных чертах физиологической организации, технических методов, способов мышления, которые сложились на почве иной природы и иной истории» [Богданов, 2019. С. 239].

Эта аргументация не кажется чем-то особенным, тем более для соотечественника Миклухо-Маклая. Но ведь, как указывал Базаров, те же самые люди, что встретили негодуемыми протестами организационный принцип цепной связи, через несколько лет утверждали, что эта «самоочевидная» идея не нуждается для своего обоснования в какой-то особой организационной науке [Базаров, 2002. С. 33]. Сюжет романа Богданова радикально отличается от сюжетов фантастических бестселлеров того времени типа «Войны миров» Уэллса. Но в извращенном прочтении Ильенкова марсиане, рассуждающие по махистской «экономии мышления», убедившись на примере заболевшего русского революционера в «биопсихической несовместимости» с темпераментной до безумия земной расой, решают, «дабы жила и расцвела марсианская – высшая форма социализма, ей в жертву придется принести низшую – земную форму жизни» [Ильенков, 1980. С. 70]. В конце концов марсиане пощадили человечество, и «сотворила это чудо милосердия любовь» – полюбившая земного революционера женщина-врач призывает возлюбить и землян в целом, а сама вместе с выдворенным с Марса русским социал-демократом отправляется на Землю, чтобы принять там личное участие в революции.

«Но позвольте, причем здесь любовь», – ерничал Ильенков и высокомерно разъяснял: «Апелляция к любви и прочим возвышенным и благородным, хотя и недостаточно рациональным эмоциям вообще характерна для позитивизма, то и дело заходящего в тупик в своих рассуждениях» [Ильенков, 1980. С. 71]. Однако начнем с того, что пара «марсианка Нэтти – землянин Лэнни (Леонид)» вовсе не противостоит *всему* безлюбому марсианскому обществу и не сбегает от него. Она остается в этом обществе, решившем «отказаться от

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 259. Оп. 1. Ед. хр. 48.

всякого активного прямого вмешательства в дела Земли» и постепенно работать для сближения двух миров [Богданов, 1990. С. 204].

Любовная сюжетная линия, разумеется, привносит эмоциональный накал в аргументацию о ценности земной культуры. Старшая по возрасту марсианская цивилизация стоит на более высокой ступени развития, но лишена опыта «того множества различных точек зрения и оттенков в понимании вселенной», той «силы героизма и мученичества», которую проявили земляне «среди путаницы и жестокой борьбы различных формаций» [Богданов, 1990. С. 188]. Цитированный выше абзац из «Тектологии» показывает, что подобную аргументацию Богданов привел бы и без всяких «любостей».

Но фальсификатор Ильенков представил сюжет романа Богданова таким образом, будто бывший муж Нэтти математик Стэрни со своим планом «безболезненного» истребления земного человечества является *рупором всего марсианского общества*. На самом деле Стэрни – узкий специалист, выражающий свое *единичное* мнение на съезде межпланетных путешествий, и от его предложений «среди сотен слушателей проносится ропот ужаса» – *перед тем*, как слово берет Нэтти. [Богданов, 1990. С. 182]. А из предшествующего хода романа ясно, что Стэрни, с его слишком «математически деловым тоном» – именно *исключение*: он один среди похожих друг на друга марсиан отталкивает землянина «каким-то странно-холодным, почти зловещим выражением лица». [Богданов, 1990. С. 113]. И его устрашающий план – порождение односторонности *филистера*, не желающего выйти за круг своей специальности.

Благожелательная критика, правда, резонно отмечала, что «невозможно допустить, чтобы такой план вообще мог зародиться в голове ученого в обществе, где каждый готов прийти на помощь товарищу» [Бритиков, 1970. С. 53]. Но вероятно, что зловещие тирады Стэрни были «срывом» утопической наглядности Богданова в *дистопию* – «сокровенным посланием» [Graham, 1984. P. 241] о возможной опасной пертурбации идей, дорогих автору: «даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военной, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом» [Богданов, 1990. С. 184].

Второй роман Богданова «Инженер Мэнни», существенно более слабый, чем «Красная звезда», был создан автором в контексте нового витка русских споров об общественной роли интеллигенции. Филистер Ильенков извратил сюжетную линию и этого романа, выдав его за превознесение роли технической интеллигенции в истории, сакрализацию инженеров как «особой касты священнослужителей» [Ильенков, 1980. С. 88].

Богданов действительно внес вклад в русский разброс определений интеллигенции (от «аристократии духа» до «пролетариата мысли и воли», от «пособницы крупного капитала» до «идейно-рабочей силы» и пр.) введением в обиход понятия «техническая интеллигенция» – как в своих экономических учебниках, так и в философских трактатах. Более того, философию эмпириокритицизма и Э. Маха Богданов считал именно идеологией «технической интеллигенции» как особой социальной группы. Но проводил резкий водораздел между идеологией этой группы и идеологией пролетариата: да, рабочему классу близка практически ориентированная научно-познавательная тенденция, вносящая динамизм в технику промышленного производства, но чужда консервативная социальная позиция технической интеллигенции – привилегированного слоя с благополучным положением на службе у капитала и государства и получением своей доли прибавочной стоимости.

Как политэконом и очевидец «научно-технической революции» Богданов считал неизбежным возрастание социально-экономической роли технической интеллигенции; как политик-марксист отреагировал на массовый отход интеллигенции от «народолюбия» и социал-демократии после первой русской революции выводом, что рабочему классу впредь «предстоит всецело самому вести свое дело». Но поскольку пролетарское дело включает не только революционную борьбу, но и «положительно-практическую» сторону

создания нового строя [Богданов, 1918. С. 21], Богданов приходит к своим ключевым программным идеям «всеобщей организационной науки» и «пролетарской культуры».

Как *социальные утопии* эти программы были попыткой ответа на вызовы, сформулированные ранее, на рубеже XIX-XX вв., критиками марксистского социализма, указывавшими на невозможность организации и исполнения самими рабочими крупного высокотехнологичного производства, требующего квалификации в «высших формах» труда. Богданов отринул этот скепсис, полагая, что интегративные тенденции в естествознании в соединении с «историческим монизмом» позволят преодолеть «цеховой характер» науки. Краеугольный камень программы «пролетарской культуры» – отыскание «общих способов исследования, которые давали бы ключ к самым различным специальностям и позволяли бы быстро овладевать ими» [Богданов, 1990. С. 102]. Странно, что Богданов не подчеркнул (и, по-видимому, напрасно!) преемственности своего проекта общенаучного инструментария с контурами общества «нового поколения всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства» [Энгельс, 1961а. С. 308]. А другие увидеть эту очевидную преемственность не смогли (не захотели?).

Содержание романа «Инженер Мэнни» резюмировал сам Богданов как «столкновение буржуазной и пролетарской культуры» [Богданов, 1989а. С. 363]. Но это столкновение не на поле брани, а двух логик: главного героя и его внебрачного сына от случайной связи, унаследовавшего от отца инженерный гений, но не гордыню и властность [Богданов, 1990. С. 220].

В кривозеркальном отображении Ильенкова «марсианские суперинженеры поняли... что все так называемые социальные проблемы на самом-то деле в основе своей есть проблемы инженерно-технические. И решать их должны инженеры, представители научно-технической элиты... суперинженеры Мэнни и Нэтти и организовали сначала сознание пролетариата и буржуазии, а затем и соответствующую ему систему хозяйственной, административной и культурной жизни» [Ильенков, 1980. С. 94–95].

Здесь уже остается только развести руками или вспомнить горе-диаматчиков, на хулу которых Богданов саркастически заметил: их самих в «технической интеллигентности» уж точно никто не заподозрит» [Богданов 2019. С. 601].

Для Мэнни, потомка знатного феодального рода, адепта «чистой науки» и индивидуалиста с «честолюбием богов», социальных проблем и тем более организации сознания какого-либо класса не существует в принципе. Его интересует как раз только инженерно-техническая, но зато грандиозная, в планетарном масштабе проблема сооружения каналов. Тех самых, которые (напомним, по гипотезам астрономов богдановских времен) спасли Марс от обезвоживания. Но, по Богданову, это происходило на капиталистическом Марсе; проект обострил классовый конфликт между рабочими союзами и синдикатским капиталом. Мэнни направил прорытие каналов через болотистую местность, зная, что тысячи рабочих умрут там от лихорадки, но зная и о том, что другой вариант возможен только по линии тектонического разлома; тогда в случае землетрясения погибнут миллионы. Однако капиталисты распустили слух с помощью подкупленного заместителя Мэнни, что инженер отказался от другого варианта только из-за своей враждебности рабочим. Шантажируемый предателем, Мэнни убил его и получил длительный срок; работы были прерваны.

Даровитый выходец из рабочей среды Нэтти, изучив геологию и проекты, понял, что Мэнни был подставлен (еще не зная, что это его отец). Когда Нэтти переубеждает рабочих изменить отношение к опальному инженеру, из их среды вырывается вопль: сколько можно только *верить*, а не *знать* и *видеть*! Из-за отсутствия специальных знаний рабочие вынуждены верить сначала Мэнни; потом предателям, говорившим, что Мэнни напрасно послал на болота; теперь Нэтти [Богданов 1990. С. 241]. Нэтти отвечает (прямо выражая мысли автора), что беда из-за того, что специализированная наука оторвалась от жизни и труда и не годится для рабочего класса. И потому, что слишком сложна, и потому, что недостаточна [Богданов, 1990. С. 242].

Мэнни возвращается к руководству работами; Нэтти становится его помощником и узнает, что это его отец. Но их взгляды на роль знания (индивидуалистическая и коллективистская «логики») остаются противоположны; не желая конфликта с сыном, инженер уходит из жизни. Нэтти завершает работы, а затем оставляет инженерство, чтобы организовать культурно-революционную школу ради задачи «преобразовать науку так, чтобы сделать ее доступной рабочему классу». Нэтти лишь начал это дело, требовавшее усилий не одного поколения; открыв первые законы организационной науки и застав лишь «первые битвы решающей борьбы» [Богданов, 1990. С. 282–283].

Как бы ни был художественно слаб «Инженер Мэнни», и как бы критически не относиться к мысли Богданова, воплощению которой он посвятил всю оставшуюся жизнь, – создать основы всеобщей организационной науки для социалистического преобразования всего общественного строя, несомненно, что линза «монистической утопии» сфокусировала насущные проблемы «положительно-практического» осуществления социализма. Если уровень производительных сил нового общества должен превзойти капитализм, необходимо развивать технически сложное производство. Управлять таковым невозможно без специальных знаний, которыми обладают только интеллигенты-организаторы. Нереально ожидать, что эти интеллигенты станут разрушать собственную классовую привилегию, просто так соглашаясь за умеренную плату организовать производство для пролетариата [Богданов, 1918а. С. 28].

Поэтому, издавая за свой счет в 1917 г. 2-й том «Тектологии» с характеристикой стремления основной части технической интеллигенции к сохранению привилегированных условий для себя [Богданов, 1990. С. 291], Богданов одновременно в книге «Вопросы социализма» настаивал на том, что использовать для построения социализма современную науку и технику не так-то легко. И указывал на две крайности в мнимом разрешении «более технической, чем экономической», проблемы хозяйственной планомерности: либо ребяческий коммунизм «всем поровну», либо «переход от одного порабощения к другому – из-под ига капиталистов под иго инженеров и ученых» [Богданов, 1990. С. 100, 104].

А причем здесь, вообще говоря, «махизм»? Конечно, он не «революционнее» марксизма, но дополняет марксистское рассмотрение познания как процесса изменения мира социальным субъектом («Тезисы о Фейербахе»). Во-первых, тем, что трактует законы природы как методы ориентировки в потоке опыта, изменяющиеся сообразно с практическими потребностями, которым служит познание. Во-вторых, тем, что признает принципиальное равенство индивидов в познавательной координации («гносеологический демократизм») [Богданов, 1909. С. 46, 74–75]. Таким образом, соединение марксизма с махизмом приводит к пониманию науки как организованного общественно-трудового опыта [Богданов, 1990. С. 361].

Мастер «диалектической» логики Ильенков договорился до того, что вне поля зрения Маха вообще остался «вопрос о науке – что она такое, откуда и зачем она возникает и по каким законам развивается» [Ильенков, 1980. С. 42], а Ленин «ясно увидел», что революционер, принявший «махистскую» логику мышления, «неизбежно превращается из революционера в некое капризное существо, игнорирующее реальные противоречия жизни и пытающееся навязать ей свой произвол» [Ильенков, 1980. С. 55]. Реальный Мах сделал себе имя в науке именно трудами, в которых применил исторический подход к анализу естественнонаучных понятий, и показал, как из самых конкретных ремесленно-промышленных сведений возникали и развивались самые абстрактные выводы математики, механики, термодинамики [Богданов, 1909. С. 75]. А научные законы в понимании Маха (о чем даже Ленин (!) упоминал) суть «ограничения ожидания», придающие определенность человеческой деятельности [Мах, 1909. С. 454] – выводить отсюда «капризность» и «произвол», значит, мягко говоря, перевернуть.

Столь же безапелляционен Ильенков в своем приговоре «махистам» применительно к 1917 г.: «не путайтесь под ногами тех, кто ясно видит суть сложившейся в стране конкретно-

исторической ситуации, а потому и претендует на всю полноту власти» [Ильенков, 1980. С. 99]. Речь, конечно, о Ленине, мастерски владевшем «материалистической диалектикой» революционного мышления, которую с упоением воспроизводит Ильенков: «Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. *под контролем* рабочих организаций за выработку «плана» [Ленин, 1967–1975. Т. 34. С. 320; Ильенков, 1980. С. 94–95].

Действительно, сажать от имени пролетариата пришлось много и долго... Ведь сразу выяснилось, что не получится «вооруженным рабочим» самим всего «лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран» [Ленин, 1967–1975. Т. 34. С. 320], а «специалистов», в руках и головах которых необходимые для решения технических задач знания, привлечь за жалованье «не выше заработной платы рабочего» [Ленин, 1967–1975. Т. 33. С. 50]. Понадобилось «выбросить почти весь технический персонал, от мастера до инженера, путем террора и голода переломить его психологию и уже после этой операции вобрать снова» [Преображенский, 2006. С. 362]. Легендарный план ГОЭЛРО предполагалось начинать так: «подготовительные *земляные* работы *тотчас* и разверстать их по уездам» и «мобилизовать *всех* без изъятия инженеров, электротехников, всех кончивших физико-математический факультет и пр. Обязанность: в неделю не менее 2(4?) лекций, обучить *не менее* 10 (50?) человек электричеству. Исполнишь – премия. Не исполнишь – тюрьма» [Ленин, 1967–1975. Т. 52. С. 38].

НЭП был смычкой не только пострадавшей деревни с госпромышленностью через торговлю, но и Советской власти с получавшими уже много больше «хорошего рабочего» специалистами – технической интеллигенцией. Ленин поручил беречь «как зеницу ока каждого спеца», но одновременно «выработать методы ловли спецов и наказания их» [Ленин, 1967–1975. Т. 52. С. 55]. «Карать беспощадно, вплоть до расстрела, и быстро за злоупотребления новой экономической политикой» и быть готовыми вернуться к «террору, и в том числе к террору экономическому» [Ленин, 1967–1975. Т. 44. С. 328, 429]. Вообще, если по-ильенковски отождествлять с «махизмом» революционный произвол и властные капризы, не будет преувеличением признать В. Ульянова-Ленина «махистом».

«Спеццы»- экономисты при НЭПе (многие – из числа тех, кто «путался под ногами» в 1917 г.) озадачились поисками достижения разных экономических равновесий. Когда же И. Сталин решил, что пора «нэп отбросить к чорту», карать стали за злоупотребление в расчетах на продолжение новой экономической политики. Сторонников равновесного экономического роста на основе НЭП пересажали. Разгром богдановской «теории равновесия» происходил на фоне «повсеместной травли инженеров, поисков вредителей среди технической интеллигенции» [Перченко, 1991. С. 177].

Такой вот «махизм-ленинизм».

Что касается последней книги Э. Ильенкова, то она – печальный пример не логики, а «подлогики», когда количество вымыслов лжеспециалиста переходит в «качество» апологетики сталинского «разрушения равновесия». Особенно возмутительно читать смакование того, что после книги Ленина «уже никто в рядах большевиков открыто заявлять и защищать свои махистские умонастроения не отваживался. Были, правда, и такие, которые и Маху, и Богданову сочувствовали, но теперь им пришлось делать это молчком» [Ильенков, 1980. С. 58]. Здесь, конечно, и снова перевертывание: при «постыдном невежестве 99% социал-демократов в области философии» [Иков, 1995. С. 100] и умении Ленина лавировать и делать хорошую мину совсем не гносеологические аргументы имели значение для «партстроительства». Но главное – «двойные стандарты» советского философа, которого принято считать жертвой «зажима философской мысли» в СССР, удовлетворение тем, что уже в раннем ленинизме оппозиционные мнения загонялись в «молчок». Стоит ли теперь удивляться тому, что так быстро вошли в альянс «колебаний с генеральной линией» и молодые, и «старые» большевики после смерти Ленина, и так быстро «поиняли» многочисленные «коммунисты» и «марксисты-ленинцы» в перестроечное и постсоветское время?

ЛИТЕРАТУРА

- Базаров В.А. (2002). А.А. Богданов (Малиновский) как мыслитель // Вестник МИАБ. № 4(12). С. 5–35.
- Базаров В.А. (2014). Избранные произведения. В 2 т. / Науч. ред. А.А. Белых. М.: ИД «Дело»РАНХиГС.
- Барт П. (1902). Философия истории как социология. СПб: С-Петербургская Электротпечатня.
- Белых А.А. (2007). История российских экономико-математических исследований: Первые сто лет. 2-е изд., доп. М.: ЛКИ.
- Бердяев Н.А. (1902). Заметка о книге А. Богданова «Познание с исторической точки зрения» // Вопросы философии и психологии. Кн. 64 (IV). С. 839–853.
- Биггарт Дж. (1993). Александр Богданов и теория «нового класса» // Социологические исследования. № 7. С. 139–150.
- Блонский П. П. (1961). Избранные педагогические произведения. М.: Изд-во АПН РСФСР.
- Блонский П. П. (1918). Современная философия. М: Русский книжник.
- Богданов А.А. (1989а). Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М.: Советская энциклопедия. С. 361–363.
- Богданов А.А. (1918). Вопросы социализма. М.: Книгоизд-во писателей в Москве.
- Богданов А.А. (1990). Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат.
- Богданов А.А. (1906). Из психологии общества. СПб: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1919). О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. № 9/10. С. 46–52.
- Богданов А.А. (1910) Падение великого фетишизма. Вера и наука. СПб: С. Дороватовский и А. Чарушников.
- Богданов А.А. (1927). Пределы научности рассуждения // Вестник Коммунистической академии. Вып. 21. С. 244–262; 283–290.
- Богданов А.А. (1909). Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. Сб. 1. СПб.: Тов-во «Знание». С. 35–142.
- Богданов А.А. (1989б). Тектология: Всеобщая организационная наука. Т. 1. М.: Экономика.
- Богданов А.А. (2019). Тектология: Всеобщая организационная наука. 6-е изд., доп. М.: ЛЕНАНД.
- Бокарев Ю.П. (1994). Рубль в условиях тотального планирования // Русский рубль. М.: Прогресс – Академия. С. 239–271.
- Бритиков А.Ф. (1970). Русский советский научно-фантастический роман. Л.: Наука: Ленинградское отделение.
- Булгаков, С.Н. (1903). От марксизма к идеализму: Сб. ст. (1896–1903) / Сергей Булгаков. СПб.: Скл. изд. т-ва «Общественная польза».
- Валентинов Н. (1991). НЭП и кризис партии. Воспоминания. Нью-Йорк: Телекс.
- Вернадский В.И. (1988). Записка о выборах члена Академии по отделению философских наук // Коммунист. № 18. С. 67–74.
- Вышинский П. (1930). Философия буржуазных реставраторов (кондратьевщина) // Под знаменем марксизма. № 10–11–12. С. 143–159.
- Вышинский П. (1931). Образчик вредительской философии (Базаровщина) // Под знаменем марксизма. № 1–2. С. 134–156.
- Гвирицман А.М. (1913). Социология Уорда и ее отношения к социологическим построениям Маркса. / Предисл. М. Туган-Барановского. СПб.: Тип. С.-Петерб. АО «Слово».
- Гейбриел Р. (1979). Выиграть или потерять мир? // Литературная история Соединенных Штатов Америки. Т. III. Под ред. Р. Спиллера и др. – М.: Прогресс. С. 17–27.
- Гловели Г.Д. (2017). Концепции экономического прогресса: эволюция и упущенные звенья // Предпосылки экономической теории: критический анализ / Под общ. ред. А.Я. Рубинштейна, Р.М. Нуреева. СПб.: Алетейя. С. 346–437.
- Гловели Г. Д. (2018). Н.П. Огановский: закономерность аграрной эволюции и пробелы формационного подхода // Вопросы политической экономии. № 2. С. 38–52.
- Гловели Г.Д. (2003). Страсть к монизму: гедонический подбор Александра Богданова // Вопросы философии. № 9. С. 110–127.
- Гловели Г.Д. (2014). Экономическая история. М.: Юрайт.
- Горинов М.М. (1990). Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. № 11. С. 31–47.
- Горький М. (1952) Собрание сочинений в 30 тт. Т. 17. М.: Гослитиздат.
- Деборин А. (1922). Вместо статьи // Под знаменем марксизма. № 5–6. С. 10–12.
- Деборин А. (2009). Воспоминания // Вопросы философии. № 2. С. 113–133.
- Деборин Гр. (1930). Политическая экономия вредительства // Под знаменем марксизма. № 9. С. 94–119.
- Дмитриев А.Н, Гловели Г.Д. (2013). Неомарксизм // Большая российская энциклопедия. Т. 22. bigenc.ru/philosophy/text/2260080.
- Зубчанинов Ю.Н. (1995). Увиденное и пережитое, записки советского плановика. М.: ИМЭМО РАН.
- Иков В.К. (1995). Листопад // Вопросы истории. № 8. С. 78–108.
- Ильенков Э.В. (1980). Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. М.: Политиздат.
- Ильенков Э.В. (1999). Письмо Ю.А. Жданову // Э.В.Ильенков: личность и творчество. М.: Языки русской культуры. С. 258–261.

- Кагарлицкий Б.Ю. (2004). Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультракультура.
- Кактынь А. (1929). К преодолению узких мест! // Правда. № 255 (3 ноября). С. 2.
- Кондратьев Н.Д. (1989). Проблемы экономической динамики. М.: Экономика.
- Королев С. (1988). Человек на вышке // Советская культура. 17 сент. С. 6.
- Кржижановский Г.М. (1923). О проблеме «ножниц»: Докл. от Госплана. М.: Кремль, изд. ЦИК Союза ССР.
- Кривцов С. (1928). Памяти А.А. Богданова // Под знаменем марксизма. № 4. С. 179–186.
- Ленин В.И. (1967–1975). Полное собрание сочинений. М.: Политиздат.
- Лепешинский П.Н. (1928). На повороте. leninism.ru/memory/4305-na-povorote.html.
- Лункевич В.В. (1960). От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии. Т. 2. М.: Учпедгиз.
- Малафеев А.Н. (1964). История ценообразования в СССР. М.: Мысль.
- Малафеев А.Н. (1975). Прошлое и настоящее теории товарного производства при социализме. М.: Политиздат.
- Луначарский А.В. (1968). Воспоминания и впечатления. М.: Сов. Россия.
- Маркс К. (1960а). Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Том 23. М.: Госполитиздат.
- Маркс К. (1962). Капитал. Т. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Том 25, ч. II. М.: Госполитиздат.
- Маркс К. (1964). Письмо Л. Кугельману 11 июля 1868 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32. М.: Госполитиздат. С. 460–462.
- Маркс К. (1963). Письмо Ф. Энгельсу 7 июля 1866 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 31. М.: Госполитиздат. С. 195–197.
- Маркс К. (1955). Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат. С. 1–4.
- Маркс К. (1960б). Учредительный манифест Международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. М.: Госполитиздат. С. 3–11.
- Маркс К. и Энгельс Ф. (1955). Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат. С. 419–459.
- Мах Э. (1909). Познание и заблуждение. М.: Сирмунт.
- Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки. Т. III. М.: ИГ Прогресс «Универс».
- Мюллер М. (1891). Наука о мысли. СПб.: А.С. Семенов.
- Некрич А. (1979). Отрешись от страха. Воспоминания историка. Overseas Publications Intershance LTD. www.vtoraya-literatura.com/pdf/nekritch_otreshis_ot_strakha_1979_text.pdf.
- Никифоров Л.А. (2010). Философия науки: В. И. Ленин и Э. Мах // Вопросы философии. № 1. С. 77–83. Языки русской культуры. С. 258–261.
- О разногласиях на философском фронте (1930). Заседание президиума Комакадемии // Вестник Коммунистической академии. Вып. 40–41. С. 12–164.
- Огановский Н.П. (1911). Закономерность аграрной эволюции. Т. 2. Саратов: Сотрудничество.
- Огановский Н.П. (1914). Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. М.: Задруга.
- Огановский Н.П. (1927). Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Экономическое обозрение. № 6. С. 21–42.
- Оршанский И. Г. (1893). Позитивизм и контизм. Харьков: Тип. А. Дарре.
- Первушин С.А. (1929). Экономические барометры и пути конъюнктурного прогноза // Плановое хозяйство. № 6. С. 117–144.
- Перченко Ф.Ф. (1991). Академия наук на «великом переломе» // Звенья. Ист. альманах. Вып. 1. СПб.: Феникс АТНЕНЕУМ. С. 163–235.
- Плеханов Г.В. (1956). Избранные философские произведения. Т. I. М.: Госполитиздат.
- Преображенский Е. А. (2006). Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. Сост. М.М. Горинов. М.: Глав-архив.
- Прокопович С.Н. (1901). К критике Маркса. СПб.: Л.Ф. Пантелеев.
- Розенфельд Я.С., Клименко К.И. (1961). История машиностроения СССР. М.: Изд-во АН СССР.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. (2009). То, что прошло. Т. 2. М.: Новый хронограф.
- Соболев И.И. (2002). Товарищ // Вестник Международного института А. Богданова. № 4(12). С. 71–76.
- Спенсер Г. (1877). Основания социологии. Ч. 2. СПб.: И.И. Билибин.
- Сталин И. (1951). Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат.
- Струмилин С.Г. (1927). Индустриализация СССР и эпигоны народничества. М.: Госиздат.
- Филиппов М.М. (1897). Социологическое учение Карла Маркса // Научное обозрение. № 1. С. 64–80; № 2. С. 40–67; № 3. С. 72–100; № 4. С. 16–35.
- Хавин А.Ф. (1968). У руля индустрии. М.: Политиздат.
- Цаголов Н.А. (1983). Вопросы теории производственных отношений социализма. М.: Изд-во МГУ.
- Щеглов А. (1937). О реакционной буржуазной сущности философских писаний Бухарина // Под знаменем марксизма. № 4–5. С. 31–48.
- Энгельмейер П.К. (2010). Теория творчества / С предисл. Д.Н. Овсяннико-Куликовского, Э. Маха. М.: КД «ЛИБРОКОМ».
- Энгельс Ф. (1961а). Анти-Дюринг. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Госполитиздат.

- Энгельс Ф. (1961б). Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 269–317. М.: Госполитиздат.
- Энгельс Ф. (1966). Письмо Ф. Теннису 24.1.1895 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 39. М.: Госполитиздат. С. 326–328.
- Эрлих А. (2010). Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело.
- Яременко Ю.В. (1999). Избранные произведения. Т. 3. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. М.: Наука.
- Galbraith J.K. (1977). *The Age of Uncertainty*. London: Houghton Mifflin
- Graham L. (1984). *Bogdanov's Inner Message* // *Red Star: The First Bolshevik Utopia*. Bloomington: Indiana UP, Pp. 241–254.
- Schumpeter J.A. (2006). *The History of Economic Analysis*. Taylor & Francis e-Library.

Гловели Георгий Джемалович
ggloveli@hse.ru

Georgii Gloveli
doctor habilitatus in economics, head of Center of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ggloveli@hse.ru

LENINISM, “TERMS OF TOV. A. BOGDANOV” AND PHILOSOPHER ILENKOV AS AN APOLOGIST OF THE STALIN’S ECONOMY “DESTRUCTION OF EQUILIBRIUM” (PART II)

Abstract. The second part of the article traces the formation of a system-structural approach in Russian “unorthodox” Marxism (“structurealism”), associated with the general organizational science (tectology) of A.A. Bogdanov and the economic works of V.A. Bazarov. Elements of structuralist methodology in the works of N.P. Oganovsky, N.D. Kondratyev, S.A. Pervushin are also exposed; these prominent Russian non-Marxist economists of the 1920s contributed to the emergence of the category of “structural changes”. It is shown that repressions against structuralist economists were a reaction on their attempts to substantiate more gradual structural changes in the economy of the USSR. While the prevailing “teleological” directive planning carried out structural changes through unequal exchange and a sharp breakdown in the proportions of the national economy. The ideological cover for voluntaristic planning was the pogrom criticism of the “theory of equilibrium”. The magazine “Under the banner of Marxism”, led by adherents of dogmatic “militant materialism”, participated actively in this defeat. Numerous forgeries in the “criticism of the theory of equilibrium” as well the presentation of the views of E. Mach and A. Bogdanov by the philosopher E. Ilyenkov and his historical and economic incompetence are revealed.

Key words: *Structurealism, Bogdanov's tectology as general organizational science, positivism, statics and dynamics, structural changes, NEP, debates on industrialization, the 1st 5-year plan, militant materialism, the economy of “destroying the equilibrium”, Ilyenkovschina*

JEL Classification: O14, O25, N13, N15, N16, B15, B29.

REFERENCES

- Bazarov V.A. (2002). A.A. Bogdanov (Malinovsky) as a thinker // *Bulletin of International A. Bogdanov Institute*. No. 4 (12). Pp. 5–35. (in Russian).
- Bazarov V.A. (2014). *Selected works*. In 2 vols. / Ed. by A.A. Belykh A.A. Moscow: Publishing House “Delo” (in Russian).
- Barth P. (1902). *Philosophie der Geschichte als Sociologie*. SPb: St. Petersburg Electroprint (in Russian).
- Belykh A.A. (2007). *History of Russian Economic and Mathematical Research: The First Hundred Years*. Ed. 2nd, add. M.: LCI (in Russian).
- Berdyayev N.A. (1902). A note about A. Bogdanov’s book “Knowledge from a historical point of view” // *Problems of Philosophy and Psychology*. Book. 64 (IV). Pp. 839–853 (in Russian).
- Biggart J. (1993). Alexander Bogdanov and the Theory of the «New Class» // *Sociological studies*. No. 7. Pp. 139–150. (in Russian).
- Blonsky P.P. (1961). *Selected pedagogical works* – M.: Publishing house of the APN RSFSR. (in Russian).
- Blonsky P.P. (1918). *Contemporary philosophy*. M: Russian scribe (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1989a). *Autobiography* // *Figures of the USSR and the revolutionary movement in Russia*. M.: Soviet encyclopedia. Pp. 361–363 (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1906). *From the psychology of society*. St. Petersburg: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1919). *On the tendencies of proletarian culture* // *Proletarian culture*. No. 9/10. Pp. 46–52. (in Russian).
- Bogdanov A.A. (1910). *The fall of the great fetishism. Faith and Science*. St. Petersburg: S. Dorovatovsky and A. Charushnikov (in Russian).

- Bogdanov A.A.* (1927). Limits of scientific reasoning // Bulletin of the Communist Academy. Issue 21. Pp. 244–262, 283–290 (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (1909). Philosophy of a modern naturalist // Essays on the philosophy of collectivism. Sat. 1. SPb.: Tov-vo “Znanie”. Pp. 35–142 (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (1918). Problems of Socialism: Works of Different Years. M.: Politizdat (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (1989b). Tectology: General Organizational Science. Vol. 1. M.: Economics (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (2019). Tectology: General Organizational Science. 6th ed., Add. M.: LENAND (in Russian).
- Bogdanov A.A.* (1990). Problems of Socialism: Works of Different Years. M.: Politizdat (in Russian).
- Bokarev Yu.P.* (1994). Ruble in the context of total planning // Russian ruble. M.: Progress – Academy. Pp. 239–271 (in Russian).
- Britikov A.F.* (1970). Russian Soviet science fiction novel. L.: Science: Leningrad Branch (in Russian).
- Bulgakov S.N.* (1903). From Marxism to Idealism: Sat. Art. (1896–1903). SPb.: Skl. ed. “Obschestvennaya pol’za”, 1903 (in Russian).
- Deborin A.* (1922). Instead of an article // Under the banner of Marxism. No. 5–6. Pp. 10–12 (in Russian).
- Deborin A.* (2009). Memories // Questions of Philosophy. No. 2. Pp. 113–133 (in Russian).
- Deborin Gr.* (1930). The political economy of wrecking // Under the banner of Marxism. No. 9. Pp. 94–119 (in Russian).
- Dmitriev A.N., Gloveli G.D.* (2013). Neo-Marxism // Great Russian Encyclopedia. Vol. 22 (in Russian).
- Engelmeyer P.K.* (2010). Creativity theory. With a preface by D.N. Ovsyaniko-Kulikovskiy, E. Mach. M.: CD “LIBROKOM”.
- Engels F.* (1961a). Anti-Dühring. Dialektik der Natur // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 20. M.: Gospolitizdat (in Russian).
- Engels F.* (1961b). Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 21. M.: Gospolitizdat (in Russian).
- Engels F.* (1966). Letter to F. Tennis 24.1.1895 // Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 39. M.: Gospolitizdat. P. 326–328 (in Russian).
- Erllich A.* (2010). Soviet industrialization debates. 1924–1928. M.: Delo (in Russian).
- Filippov M.M.* (1897). Sociological doctrine of Karl Marx // Scientific review. No. 1. P. 64–80; No. 2. P. 40–67; No. 3. P. 72–100; No. 4. Pp. 16–35 (in Russian).
- Gabriel R.* (1979). Win or lose the world? // Literary history of the United States of America. Vol. III. / Ed. R. Spiller et al. M.: Progress. Pp. 17–27 (in Russian).
- Galbraith J.K.* (1977). The Age of Uncertainty. London, Houghton Mifflin.
- Gloveli G.D.* (2017). Concepts of Economic Progress: Evolution and Missing Link. // Preconditions of economic theory: critical analysis / under total. ed. AND I. Rubinstein, R.M. Nureyev. SPb.: Aletheya. Pp. 346–437 (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2014). Economic history. M.: Yurayt. (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2018). N.P. Oganovskiy: the pattern of agrarian evolution and gaps in the formational approach // Problems of Political Economy. No. 2. P. 38–52 (in Russian).
- Gloveli G.D.* (2003). Passion for monism: Alexander Bogdanov’s hedonic selection // Problems of Philosophy. No. 9. Pp. 110–127 (in Russian).
- Gorinov M.M.* (1990). Soviet country in the late 20s – early 30s. // Questions of history. No. 11. Pp. 31–47 (in Russian).
- Gorky M.* (1952). Collected works. In 30 volumes. Vol. 17. M.: Goslitizdat (in Russian).
- Graham L.* (1984). Bogdanov’s Inner Message // Red Star: The First Bolshevik Utopia. Bloomington: Indiana UP. Pp. 241–254 (in Russian).
- Gvirtzman A.M.* (1913). Sociology of Ward and its relationship to the sociological constructions of Marx / Preface by M. Tugan-Baranovskiy. St. Petersburg: A type St. Petersburg. AO “Slovo” (in Russian).
- Ikov V.K.* (1995). Leaf fall // Questions of history. No. 8. Pp. 78–108 (in Russian).
- Ilyenkov E.V.* (1980). Lenin’s Dialectics and Metaphysics of Positivism. M.: Politizdat (in Russian).
- Ilyenkov E.V.* (1999). Letter from Yu.A. Zhdanov // E.V. Ilyenkov: personality and creativity. M.: Languages of Russian culture. Pp. 258–261 (in Russian).
- Kagarlitskiy B.Yu.* (2004). Peripheral empire. Russia and the World-System. M.: UltraKultura (in Russian).
- Kaktyn A.* (1929). Overcoming bottlenecks! // Pravda. No. 255 (November 3). P. 2 (in Russian).
- Khavin A.F.* (1968). At the helm of the industry. M.: Politizdat (in Russian).
- Kondratyev N.D.* (1989). Problems of economic dynamics. M.: Economica (in Russian).
- Korolev S.* (1988). A man on a tower // Soviet culture. September 17. P. 6 (in Russian).
- Krzhizhanovskiy G.M.* (1923). On the problem of “scissors”: Report from the State Planning Commission. M.: Kremlin, ed. Central Executive Committee of the USSR (in Russian).
- Krivtsov S.* (1928). In memory of A.A. Bogdanov // Under the banner of Marxism. No. 4. P. 179–186 (in Russian).
- Lenin V.I.* (1967–1975) Complete works. M.: Politizdat (in Russian).
- Lepeshinsky P.N.* (1928) At the turn. leninism.su/memory/4305-na-povorote.html (in Russian).
- Lunacharsky A.V.* (1928). Alexander Alexandrovich Bogdanov // Pravda. No. 85, April 10th. P. 3 (in Russian).

- Lunacharsky A.V. (1968). *Memories and impressions*. M.: Sov. Russia (in Russian).
- Lunkevich V.V. (1960). *From Heraclitus to Darwin. Essays on the history of biology*. Vol. 2. M.: Uchpedgiz (in Russian).
- Mach E. (1909) *Erkenntnis und Irrtum*. M: Skirmunt (in Russian).
- Malafeev A.N. (1964). *The history of pricing in the USSR*. M.: Mysl' (in Russian).
- Malafeev A.N. (1975). *Past and present of the theory of commodity production under socialism*. M.: Politizdat (in Russian).
- Marx K. (1960a). *Capital*. Vol. 1 // Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 23. M.: Politizdat (in Russian).
- Marx K. (1962). *Capital*. Vol. 3 // Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 25. Part 2. M.: Politizdat (in Russian)
- Marx K. (1960b). *Founding Manifesto of the International Association of Workers* // K. Marx, F. Engels. *Collected Works*. Vol. 16. M.: Gospolitizdat. Pp. 3–11 (in Russian)
- Marx K. (1963). *Letter to F. Engels on July 7, 1866* // K. Marx, F. Engels. *Collected Works*. Vol. 31. M.: Gospolitizdat. Pp. 195–197 (in Russian).
- Marx K. (1964). *Letter to L. Kugelman on July 11, 1868* // K. Marx, F. Engels. *Collected Works*. Vol. 32. M.: Gospolitizdat. P. 460–462 (in Russian).
- Marx K. (1955). *Thesen über Feuerbach* // K. Marx, F. Engels. *Collected Works*. Vol. 3. M.: Gospolitizdat. P. 1–4 (in Russian).
- Marx K., Engels F. (1955) *Manifest der Kommunistischen Partei* // Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 23. M.: Politizdat. Pp. 419–459. (in Russian).
- Marshall A. (1993). *Principles of Economics*. Volume III. M.: EG Progress “Univers” (in Russian).
- Mueller M. (1891). *The science of thought*. SPb: A.S. Semenov (in Russian).
- Nekrich A. (1979). *By renouncing fear. Memories of a historian*. Overseas Publications Intershance.LTD. www.vtorayaliteratura.com/pdf/nekrich_otreshis_ot_strakha_1979_text.pdf.
- Nikiforov L.A. (2010). *Philosophy of Science: V. I. Lenin and E. Mach* // *Problems of Philosophy*. No. 1. Pp. 77–83 (in Russian).
- Oganovsky N.P. (1927). *The equilibrium of the agricultural and national economy of the USSR in the aspect of the long-term plan* // *Economic Review*. 1927. No. 6. Pp. 21–42 (in Russian).
- Oganovsky N.P. (1911). *The patterns of agrarian evolution*. T 2. Saratov: Sotrudnichestvo (in Russian).
- Oganovsky N.P. (1914). *The patterns of agrarian evolution*. T. 3. M.: Zadruga (in Russian).
- On the disagreements on the philosophical front (1930). *Meeting of the Presidium of the Communist Academy* // *Bulletin of the Communist Academy*. Issue 40–41. Pp. 12–164 (in Russian).
- Perchenok F.F. (1991). *Academy of Sciences at the “great turning point”* // *Links. East. almanac*. Issue 1. SPb.: Phoenix ATHENEUM. P. 163–235 (in Russian).
- Plekhanov G.V. (1956). *Selected philosophical works*. Vol. I. M.: Gospolitizdat (in Russian).
- Pervushin S.A. (1929) *Economic barometers and ways of market forecasting* // *Planning economy*. Number 6. Pp. 117–144 (in Russian).
- Preobrazhensky E.A. (2006). *Archival documents and materials: 1886–1920 / Comp. M. M. Gorinov*. M. : Glavarchiv (in Russian).
- Prokopovich S.N. (1901). *To the criticism of Marx*. SPb.: L.F. Panteleev (in Russian).
- Rosenfeld Y.S., Klimentko K.I. (1961). *History of mechanical engineering of the USSR*. M: publishing house of the USSR Academy of Sciences (in Russian).
- Semenov-Tyan-Shansky V.P. (2009). *What has passed*. Volume 2. M.: New chronograph (in Russian).
- Shcheglov A. (1937). *On the reactionary bourgeois essence of Bukharin’s philosophical writings* // *Under the banner of Marxism*. No. 4–5. Pp. 31–48 (in Russian).
- Schumpeter J.A. (2006). *The History of Economic Analysis*. Taylor & Francis e-Library.
- Sobolev I.I. (2002). *Comrade* // *Bulletin of the A. Bogdanov International Institute*. No. 4 (12). Pp. 71–76 (in Russian).
- Spencer H. (1877). *Principles of Sociology*. Part 2. SPb: I.I. Bilibin (in Russian).
- Stalin I. (1951). *Compositions*. Vol. 13. M.: Gospolitizdat (in Russian).
- Strumilin S.G. (1927). *Industrialization of the USSR and the epigones of populism*. M. : Gosizdat (in Russian).
- Tsagolov N.A. (1983). *Questions of the theory of production relations of socialism*. M.: Publishing house of Moscow State University (in Russian).
- Valentinov N. (1991). *NEP and the crisis of the party. Memories*. New York: Telex (in Russian).
- Vernadsky V.I. (1988). *Note on the election of a member of the Academy for the Department of Philosophical Sciences* // *Communist*. No. 18. Pp. 67–74 (in Russian).
- Vyshinsky P. (1930). *Philosophy of bourgeois restorers (Kondratyevshchina)* // *Under the banner of Marxism* № 10–11–12. Pp. 143–159 (in Russian).
- Vyshinsky P. (1931). *An example of wrecking philosophy (Bazarovshchina)* // *Under the banner of Marxism*. No. 1–2. Pp. 134–156 (in Russian).
- Yaremenko Yu.V. (1999). *Selected works*. Vol. 3. *Structural Policy Priorities and Reform Experience*. M.: Science (in Russian).
- Zubchaninov Yu.N. (1995). *Seen and Experienced, Notes of a Soviet Planner*. Moscow: IMEMO RAN (in Russian).